

РУСКИЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

НЕ КОПИРОВАТЬ

СУЕВЕРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чѣшбы по напечащаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комишетъ три экземпляра.
Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Ценсоръ Д. Перевощиковъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

**Господину Министру Народнаго Просвѣще-
нія, Государственнаго Совѣта Члену и
разныхъ орденовъ Кавалеру**

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ достолюбымъ высокопочтеніемъ

посвящаетъ

снѣ воспоминанія отечественной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники протонародныя и соединенныя съ ними древнія повѣрья, составляя заветныя сплѣхи народности, входятъ во внутреннюю Исторію Рускаго народа и его Древности. О важности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Митрополитъ Кіевскій Евгений. Представлено было нѣсколько опытовъ, достойныхъ вниманія, Гг. Глаголевымъ, Макаровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинитель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ, Кіевъ, 1835 г.*, при нѣкоторыхъ изъ нихъ приводить *народные обычаи*. Послѣ есого, наконецъ и я отваживаюсь представить свой опытъ *Руской Еортологіи*, въ коемъ излагается общій и частный обзоръ протонародныхъ праздниковъ съ обрядами и относящимися къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣсто, гдѣ и когда возникали и продолжаются сіи праздники. Самое происхожденіе, содержаніе и цѣль оныхъ рѣшительно опредѣляютъ ихъ ошъ церковныхъ св. празднествъ.

II

Я не ограничивался извѣстными и доступными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живущіе болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ: то я собиралъ мѣстные объ епомъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности нѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ съѣздами, указаніями и доставленіемъ матеріаловъ: Гг. Профессорамъ О. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, О. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гасшеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Искорія и Др. Рос. А. О. Вельшману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Косиновской Ю. П. Барисеневъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно соображали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смолрицелей и Училищей. Профессоръ И. Н. Лобой-

(*) Жалѣю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Споровымъ, изданіями Археографической Экспедиціи, новыми сочиненіями о Мифологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шаффарика.

III

ко въ Вильнѣ, для меня опобравъ опы своихъ студентовъ, уроженцевъ изъ ма-лой, бѣлой, красной и черной Руси, за-писки о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный со-членъ по Обществу Исторіи и Древно-стей Росс., нашъ ревностный изыскатель опеческвенной спарны, М. Я. Діевъ до-полнялъ мои изслѣдованія своими наблюде-ніями въ Коспромской, Ярославской и ча-стію во Владимірской Губерніяхъ. Каса-тельно Славянскихъ Древностей я пользо-вался совѣтами и матеріями Гг. Ю. И. Венелина и І. М. Бодянского; а въ Липов-скихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анаспасевичъ и И. Н. Лобойко. Самъ постигая всю важность и обшир-ность избраннаго мною предмета, объемлю-щаго внутреннюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, нахожу, что онъ требуетъ большихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюдений и изслѣдованій, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе иппи по ешому по-прищу, чѣмъ глубже вникаю въ эпоху предмета, повидимому, столь обыкно-венный и знакомый, но по сущности мно-госложный и разноспоронный, тѣмъ бо-лѣе опкроется новыхъ свѣдѣній и сообра-

IV

женій, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печатанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повтореніе и опущенія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается нелишнимъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изыскашелей Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякають въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызовешь новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужишь вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и пѣмъ самымъ поощришь меня къ продолженію сего изданія, въ коемъ помѣстился самое описаніе просто-народныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

Ѵ

И. Снегиревъ.

1837 г.

Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ сочиненіи соединялось то, что къ нему относится.

РУСКИЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древнѣйшій бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естественновѣдѣніи, Нравственности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: то и гражданскія постановленія и семейные обычаи связуются тѣснѣйшимъ союзомъ съ его мифами и поѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человѣка. Народные праздники торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

шой и свободою не раскрывается личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душою и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимый просторъ уму и разгулъ душѣ.

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ была торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ вѣшнею природою и съ внутреннею жизнью народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входя въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ эпохамъ года, они объясняются и освящаются мѣрами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человечествѣ и природѣ. Какъ поэзія жизни народной, они сливаются съ символами и иносказаніями, пѣснью и пляскою — языкомъ души и сердца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣють природную склонность выражать порожественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодѣяній, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердецъ въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристотель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.» (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣють общія начала, какъ бы прирожденныя человѣчеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей опличаютъ оныя по цѣли и по выраженію: опъ сего происходитъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и пастушескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Хрістіанскихъ, у жителей горъ и

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par A. Calmet, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) Aristot. polit. 2, 7. — Strabo Geogr. IX. Βαδίσμυθς Ἑλληνίσχη Ἀλτєрthumsfunde. X. I. Halle, 1826. 8.

долинъ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Въспль съ переселеніемъ и смѣшеніемъ племенъ переселяющся и смѣшивающся съ другими ихъ повѣрья и обычаи; опъ сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе пѣхъ и другихъ, съ примѣсю Скандинавскихъ, Германскихъ, Финнскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственныя останки Славяно-Рускаго богоученія въ Язычествѣ замѣпны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донинѣ существующъ въ Россіи и въ пѣхъ спранахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя торжества у ешаго племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣтами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, общеспвенными пиршествами и взаимными дарами: онѣ служили къ утвржденію союза и братства, свойственнаго паспущескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочиваясь къ временамъ года, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и торговъ, сроками работъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ *gody*

значить народный увеселительный праздник, пиршество, которое у других Славянских племен называется Swatki (Святки) и Lato. Русское слово *торжество* происходит отъ *торга*, сродного съ Сео-Готскимъ *torg*. Самое слово *праздникъ* выражаетъ упрямленіе, свободу отъ буднишнихъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтеніемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія торжественныхъ дѣйствій; послѣдній содержишь въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ мѣсамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Исторіи и Древностямъ народа, составляютъ часть Археологіи — *Еортологію* (*ѣорти* праздникъ и *λόγος* ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различесхвуя по цѣли и сущности своей отъ церковныхъ, хрістіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ опеческвенные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquité,

Источникомъ проstonародныхъ празднествъ и обрядовъ сущъ вѣрованія и обычаи, кои дають имъ особенную форму и характеръ сообразно съ мѣстностію. Отъ различія въ духъ шѣхъ и другихъ происходитъ различіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ въ Россіи, по количеству великой и малой, по качеству бѣлой, черной и красной. Древній льтописецъ изобразилъ намъ несходство нравовъ и обычаевъ у старожилловъ и заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4), у копорыхъ были свои вѣрованія и обряды, такъ какъ у племенъ, въ послѣдствіи населившихъ южную и сѣверовосточную Россію. Хотя у ешихъ племенъ, и попомковъ и преемниковъ ихъ, открываеися нѣкоторое сходство въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако есшъ многія мѣстныя особенности, о коихъ гласитъ и пословица: *Что городъ, то норавъ; что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правленія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

ouvrage du F. Creuzer, trad. par I. Guignaut, t. I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von I. F. Voss, Stuttg. 1824. 8.

(4) Льтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1824, въ 4.

ствѣ и видѣ своемъ, или совершенно уничтожились древніе мѣры и праздники въ Рускомъ мірѣ, замѣняясь священными, хрістіанскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческимъ. Ревность паспырей Церкви испребляла капища и кумиры опечесивенныхъ боговъ, строго запрещаая суевѣрія, кои называли они въ посланіяхъ своихъ *Еллинскими, Латинскими, бѣсовскими, дьявольскими* (5). О подробностяхъ языческой религіи умалчивають благочестивые летописцы наши, вѣроятно по тому, чѣмъ самымъ напоминаніемъ не подасть повода къ соблазну соопшчичамъ, еще неупривдившимся въ православіи. Охудая внѣшніе языческіе обычаи, обряды и повѣрья, какъ прошивные чиспотѣвѣры Хрістіанской, первые ея проповѣдники въ Россіи — Греки не говорили о чуждыхъ себѣ божествахъ, въ чествѣ коихъ по привычкѣ совершались оныя, и даже послѣ введенія Хрістіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ древніа суевѣрія, съ коими онѣ сроднились и не легко могъ опѣ ихъ опсшпавъ; подѣ видомъ обычной игры и потѣхи онѣ уклонялся въ дремучія дубравы или въ кѣпши совер-

(5) *Antichità Romantiche d'Italia: sulle feste. Milano. 1829. 8.*

шапъ шайкомъ завѣщныя обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россіею священные уставы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *поизшатались*, и возобновились суевѣрные обряды, *поганскіе обычаи*, *изры*, *коби бѣсовскія*, *Радуницы*, *Русалы* объ Ивановѣ дни и *кудесы*, кои запрещающа Спoglавомъ и о коихъ въ послѣдствіи предложился объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „ушвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любими и бочекъ не биши (6).“ Кормчая, Номоканонъ, Спoglавъ, Духовный Регламентъ и пастырскія посланія Священителей Россійскихъ упоминають о разныхъ повѣрьяхъ Язычества, кои изъ городовъ переселялись въ села и деревни, отъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни выпѣснялись и ни изкоренялись старыя народныя обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что истреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко опъ древняго языческаго богослуженія оставались въ народѣ однѣ принад-

(6) Софійскій временникъ, или Руская лѣтопись съ 862 по 1534 г. М. 2 ч. 1820. 4.

лежності онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, испочникъ, городище, мѣста прежнихъ *требищъ*, *тризницъ*, *торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открывающіяся и въ епихъ немногихъ оспалкахъ: по изъ нихъ мы посшараемся вывеспи черпы его Миеологіи, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Историку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфъ и другихъ духовъ (8).“ Но когда сіи Славяне расселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ спранамъ Европы: по и религіозныя понятія ихъ смѣшались съ понятіями шѣхъ народовъ, съ которыми они сближались; опъ сего и различіе въ Миеологіи Славянъ юго - западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, произшедшее опъ первобытнаго единства вѣрованія, распалось на частпи и образы.

(7) Примѣчанія на Историю Леклерка, соч. Болтина. 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) *de bello gothico*, III, 14. *Helmoldi Chron. Slavorum*, I, с. 84.

Вѣроятно, что и религія заморскихъ пришле-
цевъ сѣмлась съ религіею Финновъ и Славянъ; по-
тому что и тѣ и другіе находили сходство въ бо-
жествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіѳргунъ* (*Fíörgun*),
жизнодапель, нечуждымъ показался Сла-
вянскому *Перуну* (*пѣр* огонь, *ріогун* молнія), опло-
дотворяющему землю, а *Волосъ* послѣднихъ *Вал-*
ассу (*Vali-áss*, *Val-ass*) первыхъ, какъ божества,
покровительствующія земледѣлію и скопо-
водству. Скандинавскій *Бель*, или *Баль*, бо-
жество огня и свѣща, сходное съ Азіатскимъ
Баломъ, и *Торъ* громоносный, съ мѣломъ въ
рукъ (*Mjölner* молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и
Чернобога, означающихъ двойственность Славян-
ской религіи, отъ коей Германская различает-
ся своею происхожденіемъ; Скандинавскій
Одинъ или *Водинъ* вѣроятно преобразился въ
Водяного (9).

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ,
вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ,
населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ
общемъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ глав-
ныхъ Божествъ, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждь-*
бога, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Ку-
миръ первенствующаго изъ нихъ, *Перуна*, обо-

(9) Waffertmann. Edda Saemund. t. III. Havniae, 1828.

4. Волосъ (*Val-ass*) состоятъ изъ словъ: *волъ*,
туръ и *ассъ*, *азъ* (Скандин. *ás*, *áss*) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпрѣ и на Волховѣ, первый низринупъ былъ по введеніи Хрістіанства (10). Въ Четьи Минеи Св. Димитрія описываются слѣдующія, пославленные въ Кіевъ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же вѣроваху быши бога грому и молніямъ и облакомъ дождевымъ; второй *Волосъ*, мнимый быши богъ скоповъ; третій *Позвиздъ* или *Вихоръ*, богъ воздуха; четвертый *Ладо*, богъ веселія; пятый *Купало*, богъ плодовъ земныхъ; шестой *Коляда*, богъ празднованія, въ зимѣ бывающаго, и иніи меньшіи боги, не почію въ Кіевѣ, но и по всѣмъ Россійскія державы спранамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Миней упоминаются только испребленные В. К. Владиміромъ идола: *Перунъ*, *Хорсъ*, *Дажбъ*, *Мокошь*, *Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Хрістіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только впоросстепенныхъ и особенно миобы физическіе, кои имѣють предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы житейскихъ потребностей,

(10) Краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Росс. П. Строева. М. 1815. 8. — Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Dr. Zfany. 2 Bl. Znaim, 1827. 8.

(11) Четьи Минеи, Іюля 15, житіе В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило, Купало, Ладъ, Чуръ, Авсень, или Таусень, Зничъ, Веснянки, Осенянки и Зимнянки, Водяны, или Водяныя, Моряны, Огняны*, извѣстные и *Карпатпороссамъ, Вѣтряны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы, Карачуны, Яга-баба и Вѣдьмы*. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лѣшей*, въ поляхъ *Полевой*, въ домахъ *дѣдушка Домовой*, копорый бывалъ и *Постенемъ*, а въ подпольяхъ *Лизуномъ*. Всѣ сіи существа мистическія болѣе или менѣе входятъ въ семейный бытъ простаго народа, содѣйствуютъ или проповодываютъ ему въ жизни, ублажаясь жертвами или изгоняюся заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно испребились. Только 1765 г. уничтоженъ *Тихономъ I* въ *Воронежъ*, 1771 г. въ *Коспромѣ* *Симономъ*, а въ *Твери* *Меодіемъ* 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила*, нашего *Еропа* и *Лингама* (14), копорый, по словамъ *Іерарха*, въ тѣхъ спранахъ почиаемъ былъ за

(12) По свидѣтельству *Татищева*, *Св. Димитрій Росп.* написалъ о *Русалкахъ* пространное сочиненіе, копорое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ *Рускихъ*, *Г. Успенскаго*, 2 ч. *Харьковъ*. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ *Преосв. Тихона*. изд. 2. М. 1820. 8.

бога до введенія Христіанской вѣры: Ярилу представлялъ избранный опъ міра чело-
вѣкъ, копорого, предъ заговѣньемъ Пепрова
поспа, обвязывали всякими цвѣтами, лен-
тами и колокольчиками, и надѣвъ на голову
высокій колпакъ съ лентами, водили съ
плясками по площади. Такоежъ почти празд-
нество бывало въ селеніяхъ Рязанской и
Тамбовской Губерній. — Хотя *Лады*, Нару-
шевичъ не находить ни въ Липовской Ми-
еологіи, ни у Германскихъ Славянъ, но у
однихъ Рускихъ, у копорыхъ Ладо вспоми-
нается въ слѣд. пословицъ: *Не недобно и кладъ,*
коли у мужа съ женою ладъ (15); однако въ
экземплярѣ Кромеровой Исторіи, хранящем-
ся въ Рижской публ. библіотекѣ, написано
спаривнымъ почеркомъ слѣдующее: „И въ
„наше время Липовцы, равно какъ Лепшы
„и Кури призывають Ледо или Ладо около
„Иванова дня. Тогда, по спаривному суевѣ-
„рію, украшають они цвѣтами и древесными
„листьями испочники, и собирають правы,
„кои почищаютъ полезными опъ всякой бо-
„лѣзни.“ Ладъ у Карпапо-Россовъ празднует-
ся въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо*, какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не со-
стоить ли изъ Греческаго слова *δέϊδω* *дидо*, боюсь и
ладо—мужа? что подтверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими Яномъ и Яною, (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы представимъ довольно такихъ пѣсенъ. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россіи.

Сколько въ Россіи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣстомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губерніи въ Устюженскомъ уѣздѣ; *Перунина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Перуново* или *Ладовичино* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣтѣ; *Перунова рѣка* въ Кіевѣ. Воспоминаніе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья*, или *Коровей смерти*. *Туръ* часто повторяется въ названіяхъ рѣкъ, горъ, селеній *Туровыхъ*, *Туровскихъ*. По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги*, нынѣ *Бѣльскій станъ*, или *Бѣлужинская роща* (коршомá), гдѣ, по старому преданію, на высокомъ холмѣ стояла дубрава

(16) Карамз. II. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть съ Лаш. sorula, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. *Яриломъ* слыветъ ярмарка въ Оренбургской Г., а *Купальницею* — въ Переславль Залѣскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Ростовѣ въ XII в., при Царѣ Василѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волось въ-рояшно), въ честь коего совершалось празднество 19 Іюня (16). Подобно древнимъ народамъ міра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣріемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находится яма, копорую почитаютъ мѣспомъ идола *Тучева*, върояшно, аеролита, упавшаго изъ пучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминается *Королюновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у протоплюдиновъ находящіяся въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Башъ* и *Башиха*, подобно Черемисскому *Чембулашкѣ*; на Ладожскомъ озерѣ, на островѣ *Коневцѣ* лежатъ въ лѣсу *Конь камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жертву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершается

(16) рукоп. житіе Преп. Принарха Ростовскаго.

(17) *Карамз.* II. Г. Р. IV, прим. 387.

(18) *Исторія Росс. Іерархія*, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опахиванье во время скопскаго падежа. Доселъ еще не испребилося въ простомъ народѣ особенное почтеніе къ нѣкопорымъ колодезямъ или сшуденцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, онъ приносилъ пребы и памъ совершалъ гаданія и омовенія, такъ же древнимъ дуловатымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почипались священными даже по водвореніи Хрістіанства.

Вообще все, чпо сохранилось въ народѣ преданіемъ опъ древняго богоученія, болѣе и болѣе принимало форму простаго суевѣрія и теряя коренное свое значеніе, присоеди-нялось къ хрістіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжесиво и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежно-сти языческихъ божесивъ съ хрістіанскими святыми, съ торжесствами церкви обряды капищъ идольскихъ, на мѣстѣ коихъ, большюю частію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находяпся въ Кіевѣ, Новгородѣ и ш. д. Не возможно было искоренипъ однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и чпо поддерживало самобыпность народа, копорый спарался удержатъ празднесства и повѣрья своей древности попому еще,

что они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Конспаншинъ Великій, уже по введеніи Хрістіанской вѣры въ Имперіи, не запретилъ продолжатъ древніе обычаи, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангеліемъ, допускалъ нѣкоторыя обычаи спаринныя — *живяще по устроенію дѣдно и отцу* (19). Изъ снисхожденія къ законамъ суевѣріямъ и проспотѣ ума народа, проповѣдники Хрістіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, шерпѣли ихъ между самыми Хрістіанами (20), у которыхъ унижались оныя превращеніемъ въ пошѣхи и увеселенія; они переводили имена опечеспвенныхъ боговъ народа на имена свяпыхъ, и чѣмъ прежде въ его быпу завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи спали завѣдывать другіе: опъ сего вѣрояпно произошли прозванія святымъ, заимствованныя опъ спихій, климата, временъ года, опъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ трудовъ, напр: *Борисъ и Гльбъ*, въ Бѣлоруссіи *черный и бѣлый хлѣбъ*, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, *предспавишель грома*, *заступившій мѣсто*

(19) Обозрѣніе книги Кормчей, объясн. *Барона Розенкампа*. М. 1829. 8.

(20) *Вѣстникъ Европы*, 1826, No 4.

Перуна (21), *Св. Іеремія запрягальникъ*, *Св. Оеодосія колосяница*; *Св. Агриппина купальница* и п. д. *Св. Власій замѣнилъ низверженнаго Волоса*, бога скопїя, о которомъ донинѣ напоминаетъ праздникъ *Вель-оксъ*; отпращиваемый Мордвою, потомками Росповской Мери; *Богданъ замѣспилъ Даждь-бога*. И наоборотъ; иногда Хрістіанскимъ святымъ невѣжесво черни придавало видъ кумировъ своего Язычествва: такъ *Св. Крестипеля Іоанна* оно обрапило въ *Купалу*, *Св. Виша* на оспровѣ *Рюгентъ*, по свидѣпельсву *Гельмольда*, въ *Свѣшовида* на *бѣломѣ конѣ*, или свяпнаго *вишязя*, котораго смѣшивали съ *Св. Георгіемъ* (22); даже св. иконы называли *богами* и св. церкви *божницами*. Поморяне; въ 1124 г., изъявляли желаніе поклоняпсья и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ *Іисусу Хрісту*; въ старинныхъ пѣсняхъ *Рускихъ Троица* и *Богородица* воспѣвается вмѣстѣ съ *Ладо*. Потомъ, собспвенныя имена боговъ переходили въ нарицапельныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицапельныхъ сдѣлались собспвенными, оличая предметы чувспвенные, ихъ дѣйсвія и

(21) Рускіе въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 12.

(22) Pommerische Kirchenchronik, d. D. Gramerum. zu alt. Stettin, an. 1605. 4.

свойства, напр: *Перунъ*, *Погода*, *Ладъ*, *Чуръ* и т. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣръ омерзѣніе къ древнему идолопоклонству превращало имена боговъ въ ругательства — *Тора* въ *чёрта*, въ Нѣмецкаго *Зѣот* болвана, дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Буга* или *Бука* въ пугалища, кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23), также самыхъ божичей, не упоминая ихъ наспосящія имена, просто называли *бѣсами*.

Чествованіе предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человѣку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ прошекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражающіяся его обѣщанія, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго, которое для него спланировалось кумиромъ. Съ испреблѣніемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Хрістіанской въ Россію, понятія тогда преобладавшаго Языческаго, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣряхъ, даже Хрістіанскія торжества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля*, *Купало*, *Ра-*

(23) У Исландцевъ *Ruki*, у Шведовъ *Ruke*, у Англичанъ *Ruck*, встрѣчающійся у Шекспира.

дуница. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваютъ одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событий, составляющихъ сущность Вѣры Хрістіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, простонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободою фантазіей народа во тѣмъ Язычествѣ, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовность, у другихъ болѣе чувственность: одни возбуждаютъ благоговѣйныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ разсматривать отдѣльно простонародные праздники Рускихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

оспапки языческихъ, опъ хрістіанскихъ поржесвъ, подчиняя первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ опношеніи они древніе и новые: одни образованные въ Язычесвъ и удержавшіеся въ Хрістіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ соспоянніи — сперва родами, попомъ и племенами; праздники ихъ климаина и духа, вѣроятно начинающіяся вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, вытекающія изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію успановленія религіозныхъ поржесвъ, кои древнѣе житейскихъ; праздники, происходящіе опъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Рускихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію опнести можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностію древняго богослуженія у Славянъ, такъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые вѣдали лѣтосчисленіе и времена праздниковъ въ честь разныхъ божествъ, назначали мѣпаніемъ жребія споржесва и жертвоприношенія, на кои спекались мужи и жены съ дѣтьми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣверъ нашъ, въ самой Древности существовали *игрища между селу*, на коихъ они брали себѣ женъ, и *Тризна* надъ мертвецемъ; опечеспвленные писатели наши, упоминая о сходбищахъ на игрища, на плясанье, пѣніе, на борьбы и битвы дреколіемъ, кои бывали въ божеспвленные праздники, умалчивающъ о томъ, въ честь какихъ божествъ совершались сіи позорища. Съ точностію нельзя сказать, чѣмъ существовали на нашемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и божницы, изъ коихъ упоминается въ лѣтописи одна *Турова божница* (26). Вѣроятно, чѣмъ мѣстами богослуженій были городища, камни жертвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосты, горы и дубравы священные, кои у Германскихъ племенъ были также мѣстами суда и расправы, а жрецы ихъ судьями.

(25) *A. Crantz Saxonia. Francof. 1611, f.*

(26) *Карамз. II. Г. Р. ч. I.*

Въ приписанномъ В. К. Владиміру Успавъ, впрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминающагося обряды и повѣрья Языческаго, какъ-то: „о моленъ подъ овиномъ и рощею, „или у воды, чародѣяніи, волхвованіи“ и п. д. Преп. Неспоръ, близкій ко временамъ Языческаго въ Россіи, свидѣтельствуемъ, что еще при немъ „схожахуся на игрища, и на „плясанье и на вся бѣсовская игрища. Видимъ „бо игрища уполиченна и людѣи много множе- „ство, яко упишати начнушъ другъ друга, позо- „рища дѣюще опъ бѣса замышленнаго дѣла.“ Сходное съ ешимъ упоминается въ Кормчей кн. гл. 17. Рускій переводчикъ Св. Григорія Богослова въ XI вѣкѣ вспавилъ опъ себя въ текстъ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его опеческа: „Овъ прѣбоу ство- „ри на споуденьци дѣжда иски опъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дѣждъ даемъ. Овъ „несущимъ богомъ жьреть и Бога створъ- „шаго небо и землю раздражаемъ. Овъ рѣку „богиню нарицаемъ и звѣрь живющъ въ ней „яко Бога нарицаю, прѣбу творишъ“ и п. д. (27). Въ Номоканонъ, напечатанномъ во Львовѣ 1646 г., пишется слѣдующее: „О

(27) Библіографическіе листы *П. Кеплена*, С. П. 1825, No 7. стр. 88. 4.

„вѣрныхъ , послѣдующихъ Еллинскимъ обычаямъ и плясаніемъ на брацѣхъ , и на спогну , шворящихъ , или русалкомъ , или гласовомъ , ппичимъ вѣрующихъ , или новомѣсячію , или , оустрѣшеніямъ , или испязаніемъ внимающихъ , или огня паленія на спогнахъ , яже , шворяху Еллини древле. А нынѣ яко же , видимъ хрістіанскія дѣти сія шворятъ (ку , пала), въ навечерія праздничныя по нѣкому обычаю древнему : или въ одежду женскую мужіе облачаша и жены въ мужескую : или наличники , яко же въ спрапахъ , Лапинскихъ злѣ обыкши шворятъ.“ Митрополітъ Рускій Кирилль , въ XIII в., въ правилѣ своемъ замѣчаетъ : „Паки же увѣдѣхомъ , бѣсовская еще дѣржаще обычая преклятыхъ , Еллинъ , въ божественныя праздники позоры , нѣкакы бѣсовскыя шворищи , съ свистаніемъ , и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы , скарѣдныя пьяница , и бьющеся дрьколѣемъ , до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ поршы. На укоризну се бываетъ Божиимъ праздникомъ и на досаждение Божиимъ церквамъ. Паче о семъ досажаютъ нашему Спасу и Заслупу , иже насъ избави , шп проказы смершныя и шп пути дѣво , ля и шбѣвеселивый сердца наша святыми , чеспыными праздники“ и т. д. (Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятникѣвъ видно, что съ самаго принятія Хрістіанской вѣры по XVIII столѣтіе было много язычниковъ въ обласяхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ коимъ относился и встрѣча съ монахомъ, какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе водою въ праздники и на свадьбахъ и волшебства, прошивъ коихъ восставали Іерархи Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополитъ Бѣлогородскій и Обоянскій Мисаилъ въ грамотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что шамъ „въ Воскресные, Господскіе и Богородичные дни умножилось великое пьянство и бѣсовское „глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми: сходились по вечерамъ и во „всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на „поляхъ, слушаютъ богомерзкихъ пѣсней и „всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр. „и до Богоявленьяго дни собирались по вечерамъ и въ ноци на бѣсовскія игры“ и ш. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (*ludi funebres*), такъ у Славянъ *Тризна*, соопѣшествующая Скиео - Гуннской *Strava*, Чехской *Strowa*, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Терпуліанъ,

(29) Рускія достопамятности. ч. I. М. 1815. — Руская Вивліюека, изд. Н. Полеваго. ч. I. М. 1834. 8.

„итры перешли опъ чеспшованія боговъ и „усопшихъ къ чеспшованію живыхъ.“ Пиршесиво въ чеспъ мерпвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, тогда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршесиво въ память и чеспъ усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаетъ и Карлъ Великій въ Капитул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычеспвѣ совершившая по своемъ мужѣ призну, соединенную съ убійствами, въ Хрістіанеспвѣ своемъ, по сказанію нашихъ лѣтописателей, запретила сыну своему дѣлатъ въ память себѣ призну по обычаю языческому (31). Какъ лѣтописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вятичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мерпвыхъ: что заведеніе епо на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, перс-

(30) *Jornandes* de reb. Geticis, c. 49, de Attila: Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commensatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.

(31) *Dissertations sur les antiquités de Russie*, par M. Guthrie, à S. P. 1795. 8.

несено Варяго - Руссами въ Россію, и недавно повпорялось при борьбѣ Греціи съ Турціей: тогда Паргинопы, проданные Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли косты своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ *trúznepi*, умерщвление, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды по единкомъ, ширмърсшвомъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилахъ покойника, какъ благоутодными пѣни его жертвами, и пиршествомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ тризнамъ опнесши можно *Родительскія* (*Parentalia*, "Обіа") и наши *Радуніцы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1 го Марша, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и пашъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *буя-*

(32) Лѣтопись Несторова по Лавренц. сп. М. 1826.

4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. М. Еггеніа. Кіевъ. 1851. ч. I — 4. 12.

ми и буйвищами, донинѣ въ Святки дѣлають гаданія. Празднованіе Семика приходилось въ тошъ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Спюглава, „сходились мужи и жены на жальники, п. е. на „кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда тамъ спануть „играшъ скоморохи и гудошники: то они „переспануть плакать и начнуть скакать, „плясать и въ ладоши бить на пѣхъ жальникахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донинѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мерпвое воскресенье (Zobsonntag), изгнанія зимы, или смерти, кои вспрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племенъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Маржаны*. Въ епо же время Франки совершали подобное торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Язычества принадлежатъ *Русалии*, кои совершались на Русальной недѣлѣ, п. е. недѣлѣ Св. Описцѣ.

Вальсамонъ называется епопъ праздникъ древнимъ, чужестраннымъ, о коемъ упоминаемъ особенно. При Длугошъ въ XV. в. у Поляковъ повпорялось въ Пятидесятицу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранцы путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный праздникъ, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, дополь сидѣвшія въ заперши дома, наряженные выходили на луга и тамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплесканіями (34). Въ Сподлавъ упоминается о *наливкахъ*, на кои хаживать народъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, котораго и нынѣ окоію ешаго времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на Петровъ день за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ собираются на холмъ *караулить*

(33) *I. Dlugossi historiae Polonicae libri XII*, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.

(34) *Status et ritus ecclesiae graecae, graece descr. a Chr. Angelo, latine a G. Phelavio*. Francof. 1655, 12.

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ Семикъ, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человѣка, повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно - Рускихъ праздниковъ *Коледы* и *Купалы*, сколь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человѣка, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азии подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно сродное челоѣку спремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть оснашокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверъ

(35) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга В. Броневскаго. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду Царемъ и Царицею. Относящіеся къ тому и другому празднику мѣны болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминають о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, *natalis Solis invicti*, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ *Jol*, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Маперинской нѣчи (*Moedre-nicht*) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера въ Одиссеи и Иліадѣ (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: то они опправляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, коихъ слѣды и донынѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *застѣвкахъ*, *досѣвкахъ*, *толокахъ*.

Данпчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣспивуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

(37) *Homeri* II. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) *Edda rhythmica*, s. antiquior, *Saemundina*, p. III. *Havniae*. 1828. 4. v. *Lexicon mythol.*

брании хлѣба, въ честь Свѣповида, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ ростъ человѣческій. Самый Бѣль - богъ, какъ виновникъ хорошей жатвы (39), назывался богомъ мухъ вѣроятно потому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе пруды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Іудейскимъ праздникомъ житъ первородныхъ. Обычай этотъ перенесли они въ свое Хрістіанство, и донынѣ во многихъ странахъ Россіи послѣ жатвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки соповъ изъ ульевъ, первые сопы меда. Родившіеся отъ нужды и отношеній общесвенныхъ праздники *житейскіе* на Югъ и Сѣверъ Россіи получали различную фizioномію какъ отъ климата, почвы и давности занятія земли, такъ равно и отъ правотъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было меньше.

Какъ религіозные языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей вѣншности, впуш-

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Велзевулъ* (Beelzebub), пачальникъ надъ житницами, который отгонялъ мухъ и также почивался хранилищемъ паво-
за. 4 Царствъ. I, 2. Матѣ. X, 25. Луки XI, 15.

ренности и знаменованію измѣнялись въ разные эпохи, въ кои они пропекали, именно: въ *Языческую*, или дохрістіанскую, *Греческую* до Ташарь, въ *Восточно-Европейскую* опѣ вліянія Ташарь, Липвы, Польши, и въ *Западно-Европейскую* опѣ Петра I до нашихъ временъ.

Не останавливаясь болѣе здѣсь на Язычествѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Хрістіанской эпохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ*.

Въ разныхъ обласняхъ Россіи еще оставались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Хрістіанской въ Кіевъ и Новгородъ.

При Неспорѣ льшописцѣ, въ праздники церковные св. храмы спояли пуспы и народъ сходилъ на игрища дѣять позоры и, по его выраженію: *Хрістіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ. Являлись кудесники, или волхвы, какъ предсказывали древняго Язычества, и нерѣдко возмущали просподушныхъ жипелей Россіи, еще не твердыхъ въ Хрістіанствѣ, копорые колебались между старымъ вѣрованіемъ и вновь принятою ими вѣрою, между заблужденіемъ и истиною.* При Новгородскомъ Епископѣ Теодорѣ весь народъ

принять сторону такого кудесника и хотѣлъ убить своего Архипастыря; на сторонѣжъ Епископа осмался одинъ съ боярами Князь Глебъ, который поразилъ попоромъ проповѣдника Языческаго и тѣмъ кончилъ мяшежъ (40). Въ XII вѣкѣ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумиръ Велеса, или Волоса, крестилъ въ Рословѣ многихъ язычниковъ тогда, какъ епопъ городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкѣ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ житія Благовернаго Князя Константина (42).

Въ эту эпоху встрѣчаются языческія имена и прозвища, какія давались Хрістіанамъ, напр: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственные имена языческія и Хрістіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ печеніе болѣе нежели двухъ вѣковъ; тогда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жителями разобщен-

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.

(41) Карамз. И. Г. Р. III, прим. 153.

(42) Карамз. И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологѣ и Мінеѣ (Октябръ 29) сказано: въ XI вѣкѣ.

(43) Исторія Росс. Іерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. Карамз. И. Г. Р. III, пр. 331.

ныхъ областей Россіи, закоснѣвшими въ оныхъ. Хотя при Монголо - Татарахъ, съ XIV вѣка Магомешанъ, самые Князья и вельможи Рускіе принуждены были проходитьъ сквозь огонь, *поклоняться кусту и идоламъ*; но какъ народъ гнушался *поганскими обычаями*: то они и не могли въ немъ укорениться. Если и было вліяніе Татаръ на Россію: то болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее (44).

Хотя съ освобожденіемъ Россіи отъ Татарской неволи и съ поспешнымъ упичуженіемъ Удѣльной системы истреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества; однако при переселеніи жителей изъ Новгорода, Пскова и другихъ областей, переносились съ пепелищъ на новоселья, гнѣздясь то въ дремучихъ лѣсахъ, то на горахъ, то на погостахъ и жалъникахъ, то на берегахъ рѣкъ и озеръ. — После родспвеннаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средоточіи Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкоторыя тамошніе обычаи и преданія: тогда, по выраженію летописца, *земля наша замѣшалася и ста-*

(44) Собраніе путешествій къ Татарамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ обычай, по старой пословицѣ, не клѣтка, не переставишь: по многіе изъ нихъ оспавались у простого народа въ своей силѣ даже и тогда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамоты Новгородскихъ Архіепіскоповъ, Макарія въ Водскую пяшину 1534 г. и Θεодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковѣ, свидѣтельствуютъ о существованіи тамъ языческихъ прѣбищъ и обрядовъ (46). Въ Стоглавѣ упоминаются совершавшіяся дошолѣ *Русали* объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія на nocturnal плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на упренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и *Кликаніе мертвыхъ* въ Великій Четвергъ, въ копорый упрямъ жгли соломѣ, *Окликки* въ первый день Пасхи, *Вьюнецъ* на Радоницы, *Наливки* въ понедѣльникъ Пешрова поста. Тамъ же запрещается присутствіе кудесниковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую субботу, въ копорую тамъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

(45) *Карамз.* II. Г. Р. VI.

(46) Библиографическіе листы *П. Кеппена*, 1825, No 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и ш. д. Но и самъ предсѣдатель Сноглаваго собора, Царь Іоаннъ Васильевичъ, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Свяшкахъ и Масляницѣ (47). Въ Рускихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ граматахъ, паспырскихъ посланіяхъ и житіяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, тогда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Липву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ напѣ нѣкошорыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхъ актахъ того времени часпо встрѣчаются слѣдствія о колдовствѣ и чародѣйствѣ, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магіи, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Пашріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запрешилъ бывшія на Москвѣ »скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Христова. Тогда — пишеть онъ — ненаказанніи мужескаго полу и женскаго собрався многимъ числомъ, опѣ »спарыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и дѣвки ходяшъ по улицамъ и переулкамъ къ »бѣсованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) Карамз. И. Г. Р. VIII.

»женнымъ ими, многія сквернословія присо-
»вокуцляють, и плясаніе пворятъ, на раз-
»женіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхо-
»паденій, и преображающесе въ неподобная опъ
»Бога оозданія, образъ человѣческій премѣня-
»юще, бѣсовское и кумирское личашъ, косма-
»шые, и иными бѣсовскими ухищренными со-
»дѣянныя образы надѣвающе, плясанными и
»прочими ухищренными православныхъ Хрісті-
»анъ прельщають; такожь и по Рождествѣ
»Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа
»нашего І. Хріста таковая жъ бѣсовская игра-
»лища и позорища содѣвають.» Такъ какъ
Кормчая запрещаетъ *Хрістіаномъ играти и на
позорища ходити*: то Папріархъ Адріанъ 1697
г. въ инспрукціи своей старостамъ попов-
скимъ предписываетъ »не хоронитъ ни на
»кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ
»и въ лѣсу пѣхъ, копорые играя утонутъ
»или съ качели убьются.»

Въ эпоху преобразованія Россіи Петромъ
І. личность народная сильно измѣнилась опъ
вліянія Европейскаго образованія; многіе ста-
рыя обычаи въ городахъ выпѣснились но-
выми, иноземными, или запрещались Цар-
скими указами; самая одежда, жилища, об-
разъ жизни испытали перемѣны, кои не-
охотно принимали не только простолюди-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламенту, Розыска Св. Димитрія Тупшала, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ печеніи 40 лѣтъ борьбы спарины съ новизною не вездѣ и не совсѣмъ испребилися прежнія суевѣрія Язычесшва, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ спарымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пятницы и п. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался опъ чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ пошѣхамъ, давая *просторъ Рускому уму*: въ Свяшныя вечера онъ съ любимцами своими свяпошничалъ переряженный, славилъ Хріста по домамъ (48) и совершалъ другіе спаринныя обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлалъ оныя смѣшными и ешимъ средствомъ уничижитъ. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены въ храмовые праздники при монастыряхъ и значныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія, *народныя забавы для народнаго помирванія, а не для какого безобразія.*

Свяшыйшій Правительшвующій Синодъ 1721 Апр. 17 приказали объявить нарочно: »Понеже въ Правительшвующемъ Духовномъ Синодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣянія Петра I. т. I—XX. см. Донесеніе Пошкова въ Руск. Доспош. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ ве-
»сяхъ происходишь оныя невѣжды нѣкопорое
»непопробовано, а именно, во всю Свѣплую
»седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у
»купрени, такового, аки бы шпирѣуя, обли-
»вають водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку-
»пають; и хопя сіе просшій народъ дѣлаецъ
»себѣ будшо за забаву праздничную, однако
»онъ шой суешной забавы дѣеся не шокмо
»здравый, но и живопу человѣческому шще-
»ша; ибо онымъ оныя невѣжды купаніемъ въ
»глубинахъ, иногда людей попопляють или
»разбивають, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап-
»нымъ обліяніемъ, ума лишаютъ; къ шому жъ
»будшо бы воспоминають мерзкихъ идоловъ,
»въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же
»на Великъ день приносили жертву онымъ ку-
»паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лето-
»писцѣ Кіевскомъ. Но понеже во оныя вре-
»мена Россійскій народъ еще не совершенно
»воспріалъ свяшую православную Вѣру и въ
»ней не крѣпко утвердился, а нынѣ уже ми-
»лосердіемъ Божиимъ оный во благочестіи сі-
»яецъ, а помянутого обычая невѣжды оспа-
»вишь не могутъ: шого ради оный богопро-
»шпивный и живопъ человѣческій вредящій
»обычай весьма испребить, и впредь шого въ
»Россійскомъ Государствѣ ошнюдь не было бы.»

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, спѣсившихъ Рускую душу, Рускіе, въ царствованіе Елисаветы Пепровны, спали свободнѣе дышашъ, какъ говоришся: *жить припѣваючи*. Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ спаринномъ Рускомъ плашѣ, слышалъ ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и свяшочныя игры и оперы Италіанскія и маскарады. Въ епо время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и пошѣхахъ, откликнулась въ пѣсняхъ и прибаушкахъ, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Масляницѣ капапѣся, въ Свяжки ходилъ наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивашъ имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивашъ подъ окнами, на перекресткахъ гадашъ, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семихъ съ пѣснями. Епо продолжалось и при Екашеринѣ II, которая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, собирала пословицы народные и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ открытіемъ Намѣстничества въ Россіи послѣдовала большая перемѣна какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, пошѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и пристойнѣе; постепен-

но оспавляемы были буйспва и безчинспва, коими сопровождались оныя. Вдали оупь сполиць, въ разныхъ обласпяхъ Росси спаринные праздники и повърья Язычеспва сохранялись одни въ бôльшей, другіе въ меньшей силъ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣспяхъ, перѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, опдаленное оупь древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдспвенныя преданія у народа перѣдко согласующся съ лѣтописями, или дополняющся ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминающъ о древнемъ бытѣ, подпверждаемомъ повърьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагается, хопя и въ неясныхъ черпахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляется его духъ, его жизнь внуспренная. Преслѣдуя сии оспавки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ эпохахъ его жизни, видимъ, что языческія поржеспва сперва удерживались какъ опеческіе благоговѣйные обряды, а попомъ превратились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то жипейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда уступало мѣсто новому; однако оно часто клало свою печать на послѣднее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Первомайское гулянье* (Meue-tag), или *Нѣмецкіе станы* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Нѣмцами, имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ народовъ прежде годъ начинался Маємъ: по Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящіяся къ ней суевѣрія оспаются еще при перемѣнѣ времени года. Забавный обычай обманывать *перваго Апрѣля* перенесенъ на Русь Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ епскаго первое предсавленіе въ Москвѣ. *Новый годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сентября по церковному чиноположенію, въ день *Симеона мѣлководца*, въ который Государя Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтіе начинается Январемъ мѣсяцемъ, который Пётръ I ознаменовалъ торжествомъ въ Европейскомъ вкусѣ съ невиданными дополн. на Руси церемоніями и обрядами. Вѣроятно, съ того времени старыи Сенябрскій годъ прослылъ *бабымъ мѣ-*

(49) Карамз. И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), которое Г. Шишковъ правдоподобно производишь опъ созвѣздія *Бабы* (семь звѣздъ, упицье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Пётръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для ошечества, завелъ ассамблеи; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, шакъ какъ при Екашеринѣ II Князя Пошешкина. Кому не извѣстенъ достопамятныи ешнографическій маскерадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Екашеринѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и память великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣетъ свои праздники, на кои приглашаешь человека; по и онъ, торжественно и благоговѣнно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

(50) Библиотека для чшенія, Январь, 1836.

(51) Но сіе созвѣздіе видимо во всю зиму. Сочиненія *А. Шишкова*, т. V, стр. 48.

(52) *Haigold's Verlagen*. II, 54.

ощь природы бѣлые или черныя краски, радостныя или унылыя звуки, дѣлится съ нею веселье и горе; ощущающая жизнь въ природѣ, сама въ ней живетъ и все собою олицетворяетъ. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя части, подали поводъ ознаменовывать каждое время года сперва религіозными, потомъ житейскими праздниками, кои относясь къ земледѣльческимъ прудамъ и хозяйственнымъ занятіямъ; въ нихъ впадающіе сроки и сдѣлки, шорги и сходы мірскіе, какъ по: въ *Юрьевъ* и *Семенъ* дни, въ *Пятницы* и *п. д.*

Подобно *Англо-Саксамъ*, *Славяне* раздѣляли годъ свой на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее солнцестояніе, *Коледу* и *Купало*, коихъ сѣмволами было колесо (коло), эмблема солнечнаго поворота, а самые праздники на *зимніе* и *лѣтніе*, сообразно своему климату и мѣстности. У древнихъ *Нѣмцевъ* годъ раздѣлялся на три части: *зиму*, *весну* и *лѣто*; первая считалась священнѣйшею порой, когда торжествовались главные праздники въ честь боговъ (53). При распространеніи *Славяно-Русскихъ* племенъ по черной, черной и бѣлой, малой и великой Рос-

(53) Menzel's Geschichte der Deutschen bis auf die neuesten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

си, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозныя и житейскіе, съ умноженіемъ нуждъ и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе и лѣтніе, осенніе и зимніе.*

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ началъ одушевленнаго человѣкомъ міра, который представляеть небомъ и землею оба пола; расшенія, живошныя, люди суть плоды ешого лада (54). Въ древности у Рускихъ *пролѣтіемъ* назывались три весенніе мѣсяца, съ коихъ начинающся обновленіе природы, новолѣтіе и праздники народные, какими встрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной пищи, грача, и весенней пшашки, жаворонка: по ихъ прилепанію народъ дѣлаеть свои авгурии объ урожаѣ хлѣба и печеть изъ нѣспавизображенія сихъ перелетныхъ пшашекъ. Первый пролѣтній мѣсяць, или Березозоль, Марпъ, коему самъ Богъ дароваль первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племенъ, шакъ какъ у Пер.

(54) Religions de l'Antiquité, par F. Creuzer, refondu et developpé par J. D. Guignaut. t. I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ , сопровождаеися разными торжествами и играми въ честь усопшихъ ; Богемцы, опчасты Германцы епопъ день почитаютъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у простолюдиновъ тогда празднуется *Авсень, Овсень, или Таусень*, который перенесенъ на новый годъ съ Января и заключаесть въ себя другіе праздники, такъ какъ *Васильевы вечера*, или *Святки* предъ Январемъ и послѣ оного (57). Но какъ , по различію климата, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сіи переходятъ въ разные дни мѣсяцевъ , кои посему имѣютъ названія народныя, кромѣ книжныхъ (58); по паспущескія и земледѣльческія празднества въ средней и сѣверной полосѣ Россіи начинаются позднѣе , чѣмъ въ южной , заимствуя отъ мѣстности и отъ нравовъ жителей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собственно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаніемъ весны* и *Радунцею*, празд-

(56) Edda Saemundina , t. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаетъ, основываясь на преданіяхъ , что прежде преполовеніе Святковъ было въ день С. Василія, 28 Февраля , а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ*, No 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* II. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Оминъ понедѣльникъ*, или въ *Егорьевъ день*, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи стада и съ ночными хожденіями: что и донынѣ бываетъ около Буя, Солигалича и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Олицетворяя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ обѣднныя пятницы не работаетъ, во временныя послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ собирается на ярмарки или торги, на кои, по преданію, вывозили изображеніе св. Параскевіи, обвѣшенное плапками и ленпами. Въ *Духовномъ Регламентѣ* замѣчено, что «въ малой Россіи, въ полку Спародубскомъ, въ пятокъ водятъ жонку просповласу, подъ именемъ «*Пяпницы*, и водятъ въ ходѣ церковномъ и «при церкви чествуютъ оной отдають народъ съ «дары и со упованіемъ нѣкія пользы.» Самыя часовни съ образомъ св. Параскевіи *Пяпницы*, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слышатъ между просполудемъ *Пятницами*. Переходомъ отъ весеннихъ праздниковъ къ лѣтнимъ служишь *Первомайское гулянье*.

Изъ лѣтнихъ праздниковъ извѣстны въ Россіи: *Семикъ*, или *Тюльпа*, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало* и *Купальница*, *Русалин*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ осеннихъ: *Обжники, Спозники, овинные иилины, Бабье лѣто, или Семень день, или Лѣтопроводца, Аспосовъ день, или Госпозжа въ Минской Губерніи 8 Сент., Осенины, Дмитріевская суббота, соопвѣпспвующая Дѣдинамъ и Задушному дню въ Липвѣ и Польнѣ (Dziady, Dzień zaduszy), а въ Костромской губ. называемая вселенскою, поминальною, Юрьевъ день или Егорій осенний и пр.*

Къ зимнимъ относящіяся: *Калѣда, или Святки, извѣстные у Карпатороссовъ и другихъ Славянскихъ племень, подъ именемъ Корочуна, Васильевъ вечеръ, Масляница съ предшеспвующею ей родительскою, копорая приходится въ Февралѣ, бывшемъ у Римлянъ послѣднимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ опправлялись Fe-galia и когда въ Германіи на сѣверѣ и югѣ и у Славянъ совершались пиршества и игрища, съ коими соединялось драматическое представленіе — изгнаніе зимы, или смерти, какъ бы предпразднество обновленія года съ наступленіемъ весны и символическое представленіе борьбы смерти съ жизнью въ природѣ (59). Какъ весна въ Малороссіи встрѣчается за-кликаньемъ, или веснянкою, сходною съ Грече-*

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. *Карамъ. И.*
Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ хѣлідо́нѣмъ, шакъ равно провожается весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣтой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: что донѣшъ бываетъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Господинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляетъ главное дѣйствующее лице; вѣроятно, какое либо божество, избраннѣйшій отъ міра человекъ, иногда юноша, иногда спарикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвятское заговѣнье водятъ избраннаго человека, украшеннаго цвѣтами и лентами; объ Масляницѣ возятъ на колесѣ, укрѣпленномъ на столбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, который напоминаетъ собою древняго Крода, и ш. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываютъ въ печеніи чепырехъ временъ года братчины, ссыпчины, холки, посидѣлки, бѣстыды, Никольщины, приходскіе праздники и ш. д., на кои сборомъ со всего міра готовится кушанье и варится пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ временамъ и къ самымъ церковнымъ празднествамъ, въ кои впадаютъ народные праздники, одни

изъ нихъ предшеспвуютъ Пасхѣ , другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходящія въ разныя чѣсла мѣсяцевъ , по ранѣе , по позже , и называются *подвижными* , напр : *Радунца* , *Семиѣ* , *Масляница* ; а постоянно случающіеся въ одинакія чѣсла мѣсяцевъ именуящіяся *неподвижными* , какъ-то : *Семиѣ день* , или *Бабье лѣто* , *Купало* и *Купальница* , *Святки*. Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторыя изъ сихъ праздниковъ , особливо примѣненные къ годовымъ временамъ по климату , столь разнообразному , опсправляются по ранѣе , по позднѣе , напр : *Авсень* , *Ярию* , *Красная горка* , *Госпожинки* и пр.

Нѣкоторыя изъ праздниковъ и обрядовъ бывающіе *чрезвычайные* , или *обѣтные* , какіе опсправляются по особеннымъ случаямъ , напр : во время мора , скопскаго падежа и другихъ напасней , какъ-то : *Пятницы* , *изгнаніе коровей смерти* или *опахиванье* и пр.

Какъ народные , такъ и семейные праздники продолжающіяся обыкновенно при дни , а иногда и цѣлую недѣлю. Какъ у Скандинавовъ Юлійскія игры , такъ у Рускихъ Святки

(60) Руководство къ Пасхалин соч. *А. Тяжелова* , изд. 2. М. 1830. 8.

продолжались двѣнадцать супокъ (die zwölf Nächte) , см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ отправляется днемъ , а нѣкоторые изъ нихъ ночью , какъ увидимъ въ часномъ описаніи оныхъ : одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до ночи , другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью, особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Пелрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяцъ гуляютъ по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались проснымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія : что самое подтверждается Номоканонемъ , Синоглавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Синоглавѣ слѣд. словами : »На канунѣ , на вечеріи »праздниковъ Рождества Христова , Богоявленія и Ивана Предтечи сходились мужи , »жены и дѣвицы на ночное плещованіе , безъ »чинный говоръ , на бѣсовскія пѣсни и скаканіе до самаго разсвѣта до заупрень , когда »они, умывшись въ рѣкѣ водою, расходились »по домамъ.« Сходно съ Синоглавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи , въ XVII в., что »въ Галбершпадтской деревнѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Христова »ночью, на погостѣ Св. Магна, юноши и му-

и жи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян-
стве и безчинныхъ пляскахъ, коими пре-
рывали усерднее богослуженіе» (61).

§ 5. Естественнo, народныя повѣрья и
праздники должны дѣлиться на *отечествен-*
ныя и *заимствованныя* отъ чуждыхъ племенъ,
съ коими сближались Славяне въ предъисториче-
скія и историческія времена. Но весь объемъ
тѣхъ и другихъ указать и съ точностію раз-
граничить едва ли возможно, ипакъ какъ опи-
сать ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе,
распространеніе и заимствованіе; посему дол-
жно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ
Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западные
и восточные историки, между ними возникли
немногіе праздники, истекшіе изъ мѣстны-
сти, быта и духа, кои положили на оныя
свою печать. Сколь время ни изглаживало
ее; однако опшиски ея проглядываютъ на
почвѣ родной, какъ черпы древней живописи
изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, жившихъ на щедрой
землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Grantz Saxonia. Francof. MDCXXI. p.*
109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у копорыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болопа и скудныя средства для живья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная въ обществахъ и городахъ у жителей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ шоргами появились праздники, кои носятъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скоповодствомъ и земледѣліемъ, оппечатокомъ качествъ ихъ климата, мѣстности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на зиму и лѣто: шо и весь кругъ ихъ шудовъ и релігіозныхъ и жипейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣпнымъ солнцеспояніями, или *Коледою* и *Купалою*, о коихъ сказано выше. Въ епомъ кругъ внѣшней и внутрешней ихъ жизни входили всѣ шоржеспвенныя проявленія народности и вѣрованія. Хотя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русалии*, о коихъ упоминается въ Споглавъ; но Папріархъ Вальсамонъ и Дмипрій Хомапинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русалии*, кои опъ нихъ вошли и въ Споглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (*ἐν ταῖς ἑξω χωραῖς γενόμενα*). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о спранахъ *сѣверныхъ* въ оппношеніи къ

себѣ, по замѣчанію одного изъ схоластовъ на Basilica (62): то и относится оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ сущеспвовали Русаліи, извѣстные и у Рускихъ Славянъ на югѣ: любимый свой цвѣтъ *красный* или *русый* клали они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на спихи, на спрану, на горы, на лѣса и на жито, отсюда: *красная весна*, *красное лѣто*, *красное солнце*, *красная (червоная) Русь*, *красная горка*, *красный холмъ*, *красный лѣсъ*, *красный хлѣбъ* и ш.д. Какъ бѣлый цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ *красный* — огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кромѣ Русалій, праздника духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, *тризна* принадлежала Славяноруссамъ и *родительскія*, совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну*, главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Прусовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скопководства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

(62) Pandectae canonum Beveregii, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine sunt in externis regionibus. — Въ Пошребникъ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листъ, упоминаются между Еллинскими обычаями *Русаліи*,

къ силамъ міровымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купаль* и *Купальищѣ*, безъ сомнѣнія, есть остатокъ древняго Славянскаго богослуженія, общаго съ Воспочными племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россіи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Византійскихъ и опечествленныхъ писателей, Славяно-рускія племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы* (63), покланялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили имъ и другимъ жертвы, но коимъ дѣлали гаданія, кидали жребіи (64). На островѣ Рюгенъ въ дрымучемъ лѣсу находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды епото благоговѣнія къ водѣ остались въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Коспромской Губерніи, доселѣ дѣвки въ великій Ченверноукъ

(63) *Procopius de bello Gothico*, III, 14. — *Constantini porphir. de administratione*. 44. — Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Руской Исторіи, А. Х. Лерберга. С. II. 1819. 4.

(64) Имена *рѣкъ*, по замѣчанію Г. Глаголеза, на сѣверѣ имѣютъ родъ и окончаніе одинакіе съ городами на *a* женск. р.; а на югѣ, *ш. е.* въ областяхъ древнихъ Рускихъ и вообще Славянскихъ (въ Полгор. области также) есть *рѣки* женскаго и мужскаго рода. см. Журналъ Д. М. вѣд. Январь, 1835.

кликають весну и, ежели раскрылась вода, входящъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣвають: *весна, весна красна, приди весна, съ милостію, съ милостію, съ великою благостію!*

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ споль древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — разсадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключаешь о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славяно-Руссовъ съ Воспочными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрывалось во мракъ предъисторическихъ временъ, объясняющія опчасіи соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ. С. II. 1835.
Іюнь.

внутренними признаками: къ нимъ отношится бытъ и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуешь одинъ народъ у другаго болѣе сообразные съ мѣстностію своею и съ естественными и нравственными потребностями. Кроме сего, сходство можетъ бытъ въ символахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному челоѣку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жителей Востока съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Вешхомъ Завѣщѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Суріянъ и Финикіянъ (66). Гебры и Парсы въ Остѣндіи исповѣдую Сабейзмъ и признавая единство Бога подъ именемъ Yerd, почитаютъ солнце и огонь его символами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскритски Nabo, Nibu, по Арабски nèba — наше небо.

(66) IV Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in scriptis redacta a J. Jahn. Viennae, 1844. 8.

Въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцесоянія праздникъ *Перунъ - Понголь*, или великій *Понголь*, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (*Ougahdy*): онъ продолжается три дня, въ кои приносятся жертвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, прешій день *быковъ и коровъ*. Представители огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кпо не узнаешь въ ихъ *Копаль*, покаянникъ, нашего *Купалу*, въ ихъ *Баши* и *Башихъ* — бога и божиху, божию, о коихъ мы выше упомянули? Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (*Yama*), священныя игры 1 Апрѣля — *Гулями* (*Hou-li, Huli, Holaka*), сходными съ нашими гулячками, и ш. д. (67).

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par Sonnerat. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Karamzina* II. Г. Р. т. VIII. — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par I. A. Du-bois, à Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par F. Creuzer. t. I—III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von F. Schlegel. Heidelberg. 1805. 8.

Сходство Греческихъ мѣровъ и обрядовъ съ Индѣйскими привело многихъ ученыхъ къ заключенію, что они вмѣстѣ съ нечужими имъ Славянами почерпали ихъ изъ одного источника въ предѣисторическія времена; послѣ преселенія народовъ возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и тамъ въ Пелопоннесѣ запечатали слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирныя и торговыя сдѣлки, путешествія Славяно-Русовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Хрістіанской вѣры отъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрій и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли быть общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предѣисторическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра отъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для отличія отъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

(68) *Antiquités grecques*, trad. de l'Anglais de Robinson.
2. т. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: то и Рускіе именовали свои древніе, дохрістіанскіе обычаи *Еллинскими*. Безъ сомнѣнія, опѣ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и жишійскіе, вмѣстѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на простолюдиновъ, приверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій епипетъ Ареса (Марса) *Ἰδύρος* ярый, столь сходный съ Арабскимъ шавромъ, съ Скандинавскимъ Туромъ и Емпрускимъ Туганъ, находится и въ Игоровой пѣсни Буй-Туръ, такъ равно епипетъ Вулкана *παλίγκωτος* паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слыветъ *наликомомъ* или *наликопомъ*, потому что, подобно древнему Вулкану, на нечпущихъ памяти его низводитъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* опъзывается Греческое *πῦρ* огонь. Наша мать земля близка съ *Γῆ μήτηρ*, или *Δᾶ μάτηρ* земля мать, или Церера, кормилица рода человѣческаго. Въ древностихъ Еллинскихъ встрѣчаются сходныя съ Славянскими родительскія (*Γενέσια*, "Обія), птицеволоксованіе (*οἰωνοματεία*), литье соска въ соду (*κηροματεία*), гаданіе или колдованіе (*κληδόνες*, повогребч. *κλήδονα*), при коемъ и допытъ кладушь не только женщины,

но и муцны въ сосудъ перстень или монету, которую вынимали подъ пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μῦδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣты и древесныя листья (71), или съ упоминаемымъ въ Θεοδωσίῳ Уложеніи *Λαμπροφορία* — пошеніемъ вѣпвей древесныхъ погороду въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*ζῆ, ἔζῆ?*) *курилка*, похожа на торжественное въ честь Прометея бѣганье со свѣшочами (*λαμπαδοφορία, λαμπαδοῦχος αἰών*) (72). Гнѣдичъ объясняетъ праздникъ и пѣсни Коляды Греческимъ словомъ *χολάδες*, т. е. внипренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду кольцо колбасы (73). У Гомера въ *Иліадѣ*

(69) *I. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth Stellen. Alterthumsk. II. 2.*

(70) *Sophocl. Antig. 264.*

(71) Умозрительныя и опыты основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. Глаголева. С. П. 1834. 8.

(72) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. à S. P. 1795. 8.*

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. Н. Гнѣдичемъ. С. П. 1825. 8.

надъ трупомъ Гектора дѣлается *причитаніе* (*ἰάλεμος*), какія сохранились въ льпописяхъ нашихъ и какія употребительны у простолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ *ἵγυρᾶ*, кои были хороводы при пайнспвахъ Цереры (74), даже нашъ *хороводъ*, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племенъ извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, отъ *χορὸς χορῶ*, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и *ᾄωведу*, какъ бы *посолонъ*, или отъ *χορὸβατέω* спускаю въ хоръ; ибо собственно хороводъ прообразовалъ теченіе солнца. Многіе изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Русскихъ, продолжались *три дня* (*τρίμερίς*); самое слово *сорокоустъ* естъ позднее Греческое *Σαρακοντα* и *Σαράντα* сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываетъ изъ Иліады VII п. ст. 171, что нашъ простой народъ также мѣшаетъ жребіи, какъ мѣтали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

(74) P. Köppen's die dreugest. Befate. Wien, 1825. 8.
Horat. IV, od. 7: choros ducere вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и отъ *коло*: тогда выдешъ *коловодъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata, auct. F. Graefio. part. I. Petropoli. 1827. см. Библиогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе обычаи и повѣрья древнихъ предковъ своихъ: у нихъ есть родники, *криницы* (*κρήναι*), почитаемыя священными, шакъ какъ у насъ, куда они приносяшъ больныхъ для исцѣленія (77). *Перваго Мая* (*Πρωτομαΐα*) у нихъ двери всѣхъ домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшаются цвѣтами и вѣтвями древесными и вся Греція вспрѣчаетъ начало лѣта увеселеніями народными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Рускіе подражали въ замѣненіи боговъ Языческаго Святыми Хрістіанства. Какъ все прекрасное и благое происходитъ отъ Бога чрезъ посредство Ангеловъ и Святыхъ, которые у Грековъ заступили мѣсто полубоговъ и гениевъ: посему у нихъ шакже Сорокъ Мучениковъ приводятъ весну и соловьевъ, С. Николай Чудотворецъ утишае бури, а С. Георгій, весьма уважаемый самыми Турками, покровительствуетъ земледѣлію и скотоводству, и памъ его днемъ торжественно открываемся годъ пастушескій и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ съѣдаютъ первенца спадъ (78).

(77) Вѣстникъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par F. C. Pouqueville, à Paris, 1820. 5 v. 8.

Опѣ древняго сродства , въ предѣиспорическихъ времена , Славянъ съ Римлянами , копорые сами хвалились происхожденіемъ своимъ опѣ Венеповъ , Славянскаго племени , попомъ опѣ сосѣдства Лапинскихъ колоній съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ , опѣ вліянія Греко-Римлянъ въ средніе вѣка на Россію, вошло въ Рускій міръ много повѣрій и обычаевъ , а въ языкъ много словъ Римскихъ. Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арндта и Г. Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ (79). Сколько Римскаго доселѣ оспалось въ общихъ чертахъ Рускаго народа, въ его быпу, въ законахъ, въ календарѣ и п. п.! Выше замѣшили мы о сходствѣ нѣкопорыхъ народныхъ суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ Славяно-Руссами, къ копорымъ могли перейпипонные посредствомъ Нѣмцевъ и Липовцевъ. Геній хранипель, *постльнъ*, (*incubus, succubus, ἐφιάλτης*), *домовой* (*domiducus, са*), *родительскія* (*parentalia*), *девятини* (*novemdialia*) и пр. , возводяпъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ , споль сходнымъ съ древне-Ипалійскими. Если ближе сличипъ происхождение и знаменованіе нѣкопорыхъ боговъ Римскихъ : по они, мо-

(79) E. v. Arndt über den Urspr. u. die Verwandtschaft der europ. Spr. Jrrf. 1827. 8. — H. Meidinger die deutschen Volksstämme. Jrrf. am M. 1833. 8.

жесть спашься, найдупся нечужими Славянскимъ. Скандинавская Freya, вѣроятно, родственница съ Римскою Frutis-Seja, или Seiana, и Славянскою *Съваною*, происходящею отъ спянія, какъ Vertumnus богъ садовъ и плодовъ отъ *верта*, сада (80). Древнія Рускія слова *дивъ* и *дива* близки съ Латинскими *divus*, *diva*, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ *Deivos sanos* и *Deiva sana*, божество солнца и луны, сходныхъ съ нашими *Ладомъ* и *Ладодою*. см. спр. 14. Неопредѣленность пола божества ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квириновъ: *sive deus, sive dea* (81). Благотвореніе къ аеролипамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, которые имѣли у себя *ombria*, *lapides sacri*, *baetyli*, *κεραυνίας* и *Jupiter lapis*, которыми они клялись.

У Латинъ хожденія вокругъ полей предъ постьвомъ и послѣ постья *Ambarvalia*, *Sementinae* похожи на подобные Рускіе обряды, кои и донынѣ существующи между простымъ народомъ. Упомянутые въ Сводѣ *гудцы* и *прегуднищы*, игравшіе со скоморохами на моги-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusker, IV B. von H. D. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par F. Creuzer, trad. par D. J. Guigniant. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

лахъ покойниковъ, близки съ Лапинскими *ti-bicines* и *fidicines*, а плакуши съ *praeficae*. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшие Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы пыльные ошашки сохранить отъ поруганія и душу очистишь отъ скверны плоти. У Рускихъ и донынѣ, по Уставу церковному, бросаютъ землю на мертвого, какъ бывало у жипелей Лаційскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, дають обѣдъ въ память усопшихъ — Лапинскій *silicernium*, *charistia*. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (*libationes*, *manibus parentabatur*) на жертвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родимельскія, прешины, девяшины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистишельныя жертвы: что донынѣ наблюдается въ Радунцу между прѣспымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемая въ Кормчей *Каланды Январскія*, неизвѣстныя Елли-

(82) *Ciceronis de legibus*, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809.

8.) с. 22: *in os injecta gleba est*. См. о двусмысли слова *os* кость и лице, Гёренцовъ экскурсъ: *de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta*.

(83) *J. Sauberti de sacrificiis veterum*. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми свяпочными, такъ какъ и спаринныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ опеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Лапинскими *scugga* и *lagva*; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „нынѣ въ одежду женскую мужіе облачашся, и жены въ мужескую, или наличники, якоже въ спрагнахъ *Латинскихъ* (Хрістіанъ Запад. Церкви) злѣобыкоша, пворяшъ.“ Впрочемъ можетъ быть и то, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что «наряды въ маски и рѣзныя спранныя одѣянія, какія и теперь бывають во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Палий*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палили* сухое дерево и хворостъ, и черезъ епопъ огонь проекратно пере-скакивали. Канне въ Мѣоологіи своей вмѣстѣ съ издашелями *Edda Saemundina* находятъ очевидное сходство Лапинской *Палесы* *Pales* съ Азіатскимъ *Bal*, *Baal*, Скандинавскимъ *Bál* огонь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палити*. *Палиемъ* въ Малороссіи прозывается Св. Пантелеймонъ попому, что онъ *палитъ* конны сѣна и скирды хлѣба у шѣхъ, кпо рабопаешъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцъ совершался въ Римѣ при Остіи праздникъ (Maіиша), во время коего мушны обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше спр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, шоржесшвенно кидали съ священнаго моста въ Тибръ XXX просшниковыхъ болвановъ (simulacra scіrреа): Нѣмецкіе Славяне и жипели нѣкошорыхъ обласпей Россія досель бросають въ рѣки съ различными обрядами соломенныя чучелы весной и лѣшомъ. Какъ у Римлянъ, пакъ и у Рускихъ, Маѣ мѣсяцъ почиался неблагопріятнымъ для супружесшхъ; у первыхъ была пословица: Mense Maіo nubunt mali, сходная съ примѣшою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: Noces de Maі, nocес mortelles (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое слово *свадьба*, спар. *сватба*, одного корня съ Латинскимъ *suada*, ш. е. привлекательная, прозвание Венеры, пакъ равно и свадебный *коровай* съ Латинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочешанія соп-*farreatio*, при коемъ, по свидѣшельспву Т.

(85) J. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣспникъ Европы, 1811, No 20.

(86) Ovidii Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tanguit, Mense malas Maіo nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогъ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узнаетъ въ приводимомъ церковными книгами *вороноградъ*, *птицезолхзованіи* и въ сохранившихся доселѣ между проспымъ народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету пшницъ Енпруско - Римскія *auguria* и *auspicia*? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (*sternutatio*), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравствуй* (*salve*) (87), *звонъ въ ушахъ* (*tinnitus aurium*) (88), *чесотка зубовъ* (*pruritus dentium*) (89), *просыпаніе соли* на столѣ и ш. д.

У Римлянъ, вѣрившихъ также *призору очесъ* или *изурочиванью*, было и божество *Fascinus*, предохранявшее отъ ешаго и младенцевъ (*custos infantium*); они оговари-

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ хараш. спискахъ Нестора о современныхъ ему суевѣріяхъ находится слѣдъ: „На-
„рицающиеся хресъяне, а погански живуще — дру-
„зій же и зачиханью вѣрують, еже бываетъ на
„здравіе главъ.“ *Карамз. И. Г. Р. т. II, прим. 113.*
(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti* Amph. I. 1, 159. Perii! dentes pruriunt.
Theocr. Id. III, v. 37.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Пепронія sat. p. 805 : Hoc peracto carmine, me exuerge iussit. У нихъ были, также какъ у насъ, черные или злые дни (dies atrī), въ кои они ничего не начинали. Мѣспами жертвоприношеній и совершеній другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (luci) и источники (fontes); ибо, по словамъ Липсiя, древнее существовало повѣрье, что „источники и рѣки почитались меньшими богами и геніями.“ Ето сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Овъ рѣку „богиню нарицаешъ и звѣрь живущъ въ ней яко „бога нарицаю, пребу пворишъ.“ Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣты, ладанъ (90), свѣчи (91), медъ, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ животноными, дѣлали изъ металловъ по обѣщанію привѣски изображеній больныхъ частей тѣла (e voto), очищали луспиральною водою людей, оскверненныхъ преступленіями, поля, дома и города (lustratio ordinaria et extraordinaria) (92). „Весну, по свидѣтельству I.

(90) Tiburea dona. *Virgil. Aen. VI, v, 223.*

(91) *Senecae ep. 95.*

(92) *Virgil. Aen. VI, v. 229. Plutarch. Quaest. IV. Cic.*

Лавренція Лудійскаго, называли они зеленою, присвоивая сей цвѣтъ землѣ, а лѣто краснымъ, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93).“ Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, три дни, такъ какъ у Рускихъ (94).

Западные писатели о Славянской Мифологіи, по нелѣпому обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, соображали новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Мифологіи во многихъ черпахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна*, *Волоса* своего, и другіе мифы; поже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Юльскимъ (*Juhl, Joel*), который отправлялся въ Норвегіи болѣе въ честь Тора, а въ Даніи посвящался Одину для испрошенія благословенной жатвы и скорого возвращенія солнца: оный соотвѣпствуетъ нашимъ Святкамъ, кои у Дагчанъ

(93) J. *Laurentii Lydi* de mensibus. Lipsiae, 1794. 8.

(94) *Ferias indicere in triduum. Liv. III, 5. Cic. de legg. II, 2.*

(95) Моск. Вѣстникъ, 1828, No 2.

называющіся *Iuul*; онѣ прежде сопровождались переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святочныхъ нашихъ играхъ *суженой ряженой* почти одинакую роль играешь съ Скандинавскимъ *Julevetten*, который внезапно являлся въ дома. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Готы, соспавлявшие Царскую дружину, по свидѣтельству Конспаншина порфир. и Кодина (97), объ Рождествѣ Христовѣ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вершались, ударили жезлами въ щипы и пѣли пѣсни подь музыку. Сии святочные игры слыли въ Царьградѣ *готическими* и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лѣпное равноденствіе (*Midsommersnat*, или *Sankt Hans Aften*) у Дашчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались коспры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; пѣмъ, подобно какъ у насъ, въ епопѣ день купающа для здоровья и собираемыя шравы (*Sank*

(96) Мейнихенъ въ своей *Съверной Мифологіи*, изд. на Дашскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что *Iuul* происходитъ отъ слова *Hjul* колесо; ибо годъ тогда поворачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph. de cerem. aulae Byzantinae. Lipsiae. 1754 f.*

(98) *Edda Saemundina, t. III. L. M.*

Hans Urt) почищаются цѣлительными опъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, чешвергъ, слы-
вущій у Дашчанъ въ простонародіи зеленымъ
и легкимъ для дѣлъ, изъ языческаго праздни-
ка 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Хрістіан-
ское шоржесиво Римско - католической Цер-
кви подъ именемъ *dies viridium*, на осно-
ваніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово *viridis*
выражено на Слав. *зланный*. Издревле въ Ислан-
діи, при началѣ весны, праздновали въ чеш-
вергъ Тору и донынѣ празднуютъ, такъ
какъ въ Россіи Семицкій четвергъ. Тогда, по
мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Ти-
асса, зимняго гиганта, воспринималъ полное
владычество въ природѣ. Исландскому назва-
нію соопеществуетъ Нѣмецкое: *der grüne, der*
hohe Donnerstag, Англійское *holy Thursday*,
ит. е. святой Туровъ день, и Шведское *Helig*
Thorsdag (99), въ который простолюдины
въ Германіи имѣли обыкновеніе ѣсть зе-
лень. Вѣроятно, что къ міру Славяно -
Рускаго Язычества относилась народная

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii
Borealium cum seriore ac recentissimo nostratium an-
nui spatii computo, variis cognatarum gentium festis
vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбыточномъ: *Посль дождичка въ четвергъ*. Майскій праздникъ, по-Тевтонски *Meue-tag*, былъ радостнѣйшимъ у Шведовъ, Дашчанъ, Германцевъ, Англовъ: онъ отправлялся и въ Германіи и Даніи, въ извѣстное время года, съ пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго дерева. Какъ у насъ въ Семиѣ, такъ у нихъ въ епоху Майскій праздникъ поселяне увѣнчивающъ себя цвѣтами и носящъ въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ при Олаѣ великомъ торжественно совершался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дворомъ, который вмѣшивался въ веселыя толпы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ Персіане въ новыѣ свой годъ, при возвращеніи весны, имѣющъ обыкновеніе дарить друзей своихъ раскрашенными яицами, такъ Скандинавы и Рускіе въ продолженіи Пасхи хриспосующся и мѣняющся красными яицами. *Первое Апрѣля* обманываютъ другъ друга не только на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ также празднуется 23 Апрѣля *Егорьевъ день* (*Iörgen* на Дашск., *Göran* на Швед.), когда въ Исландіи и Финляндіи торжественствуется наступленіе весны, или лѣтней поры, съ различными языческими обрядами. Св. Георгію суевѣріе жителей Скандинав-

скихъ придавало почти такія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Русскаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находяпся *Туръбидъ* и *Туръбернъ*, которые повидимому соотвѣстствуютъ Скандинавскимъ *Thorfrid*, *Thorfid* и *Thorbern* (100). Въ Коспромской губерніи доселѣ поютъ пѣсню въ честь Тура :

Ой Туръ молодець удалой!
 Туръ изъ города большаго,
 Вызываль красну дѣвицу
 Съ нимъ на правѣ побороться,
 Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, пославленъ былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сашану: суевѣріе народа спало смѣшивать лица и дѣйствія шего и другаго; день Архангела (*Mihiltag*) празднуется, особенно въ Даніи, веселыми пиршествами, кои называются *осетими*, *жатвенными* (*Höst-Gilde*), а въ Боргголтѣ *Михайловскими*; изображеніе его оспалось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

(100) *Карамз.* И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Лѣтопись Нещорова по Лавренті. сп. М. 1824. 4.

Въ міръ Скандинавскомъ такъ же, какъ и въ Славянскомъ, естъ обрядъ изгнанія зимы и *встрѣча лѣта*; въ Васильевъ вечеръ на Новаго года шамъ дѣлающа гаданія о будущемъ, замѣчающа разныя примѣпы. У Исландцевъ погда просполодины толпами ходятъ ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьютъ горшки у дверей домовъ; также наряжающа мущины женщинами, а женщины мущинами, надѣвающъ на себя разныя личины, и ш. д.

При ближайшемъ сравненіи проспонародныхъ Мѣсяцослововъ Скандинавскихъ, вѣрояшно, откроемся еще бѣльшее сходство древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Рускимъ. Чшо жъ касается до Германской Мифологіи, шо она занимаетъ средину между Цельпическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдство и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, копорыхъ они называли и *Фрягами*, разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и восточной Германіи, сильно подѣйствовало на языкъ ихъ и другихъ, въ коемъ находима множество сходныхъ словъ, выражающихъ потребности житейскія; шамъ число Славянскія названія

(101) Въ Пошребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Франзѣхъ: „Логговарди и Фрянзи, иже и Германи нарицающа.“

многихъ городовъ, селеній, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ повспорились и въ сѣверо - восточной, части Россіи, куда могла переселиться Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствуя одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій туземныя преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-восточныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодились божества, неизвѣстныя послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, которые оставили намъ слѣды свои колоніями и селами. Хотя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно поклонялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныхъ дубравахъ (*Heiden*), отъ коихъ и получили свое названіе язычники, такъ какъ *поганые* (*pagani*) отъ *pagi* селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда спекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли былъ Рюгенъ, приютивъ Руси, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкопорыя божества у ней были общія съ Поруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, копорый у нихъ назывался *Perkun* и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ *Попримпомъ* юношею и *Пиколомъ* сшарцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змія, претвяго—мершвая голова человѣческая. *Sema*, или *Semina*, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спуспя по приняши Хрістіанства, приносили у священнаго дерева въ жертву пѣпуха, копорый у Скандинавовъ былъ символомъ огня, что дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: *der gode Hane galte over Taget*, т. е. „красный пѣпухъ поетъ на кровль.“ Въ Германіи говорящъ прослоюдины: *den rothen Hahn aufstehen*, вмѣсто: зажечь. Въ Самаріи пѣпухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Валпургіеву ночь собирались колдуньи, такъ и въ Кіевѣ слезались на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ такому суевѣрному мнѣнію вѣроятно дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

(102) Опытъ Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора *Ө. Морошкина*, М. 1836. 8.

(103) *Edda Saemundina*, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сихъ мѣстахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляющъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствовалъ; но вѣроятнѣе — съ чѣмъ соглашались Клуверій и другіе — первые отъ по слѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне поклонялись на горахъ и въ заповѣдныхъ рощахъ и дремучихъ лѣсахъ, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, старыми деревьями, особливо дубами и липами, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе камни (*Götzensteine, Altartische*) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Целтическихъ странахъ были мѣстами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ вода (*Wodha*), коего особенно чтили въ Репрѣ, принимается за одно съ Нѣмецкимъ Воданомъ или Однимъ, такъ какъ Водяникъ или дѣдушка водяной съ *Wassermann*,

(104) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Lfany. 2 Th. Znaim. 1827. 8.

(105) *Cluver. Germ. ant.* I. 1.

(106) *Deutsche Rechtsalterthümer*, von J. Grimm. Göttingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Nüßfelchen, родъ духовъ женскаго пола, а домовые съ Hausmänner, Gütgen, и п. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schutzgötter), даже всякое сѣмейство — своего бога въ источникъ, деревъ и оружіи, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо - Сакскими; поже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: шо у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣліе отъ первыхъ, годы считались жашвами; на древнемъ Готическомъ языкѣ уеар, аар, Исландск. и Датск. аар (выгов: оръ) и ар, годъ, весна, лѣшю, жашва, попомъ Jaar, Jahr значило собственно жашву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣшній плодъ *ярина*, *ярица*: отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ *Mittelminter* середина зимы и *Mittelsommer* середина лѣта соотвѣтствовали Юлійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Хрістіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ мушницъ въ женскія плащя, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

ваніемъ пѣхъ и другихъ: тогда совершался въ Европѣ извѣстный праздникъ дураковъ (das Narrenfest, festival of fools, la fête des foux) до XVI вѣка. Донынѣ даже о Святкахъ (Weihnachten) въ Германіи дѣвицы льютъ олово и свинецъ въ воду, когда желаютъ узнать, какого ремесла будетъ у нихъ мужъ; въ полночь спускаются въ куряшникъ, съ особенными прибаутками; ежели въ это время запоетъ пѣснью: то онѣ вѣрятъ, что скоро будутъ за мужемъ и т. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ середины зимы у Готтовъ, Германцевъ, Датчанъ и другихъ; опъ сего и различныхъ названія этому дню, напр: das grosse neue Jahr, das Bohnenfest, т. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе относится къ обычаю подавать въ этотъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ достанется, тотъ и называется Царь - бобъ (Bohnenkönig, Roi de la fève), который вѣроятно перешелъ къ намъ подъ именемъ Царя-гороха (108). Въ этотъ день Датскія поселанки призываютъ прехъ Царей, (heilige drei Könige), которыми и въ Костромской Губ.

(107) Вѣстникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.

(108) Edda Saemundina, t. III. Lex. Myth.

есть славленіе; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, отъ Р. X. до праздника шрехъ Царей, всякой вечеръ проводящъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣшное Воскресенье обливаютъ водою мущины женщинъ, а женщины мущинъ, шакъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ изгнанія зимы (*Wid des Winters*) у Германскихъ Славянъ выше упомянуто нами. Дни С. Георгія весенняго, Хрістіанскаго выпязя, и Св. Михаила Архангела (*Virgensz*, или *Georgienstag*, *Michaelstag*) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или лѣшняго періода (109).

Первое Апрѣля обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ ещо называлось: *in den April schicken*, а у Французовъ *donner un poisson d'Avril*, провесни кого; отъ сего и произошла пословица: *Es ist der erste April, da man einen jeden Narren hinschickt, wohin man will*, т. е. Первое Апрѣля всякаго дурака проводящъ, какъ хотящъ (110). *Первое Мая* (*Maietag*), по Тев-

(109) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutsch. Rechte in Sprichwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.

(110) Енциклопедич. Лексиконъ, тл. II.

понски Meue или Meuge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями во-кругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maieen), которое замѣняея Семицкою березкой въ Россіи: мы выше замѣтили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подъ первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываея сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzfest) (111); нашъ Ивановъ день, или Купало, въ сущесствѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannisstag, или der Mittelsommer, когда зажигается Ива-новъ огонь (Johannisfeuer). У Пруссоевъ было бо-жесиво весны и веселья — Лиго, близкій съ нашимъ Ладо. Въ честь его зажигался подъ липою огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: Лиго! Лиго! (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣтною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ употребляются Pfingst-Maien и Pfingst = или Maien-Länze, т. е. Троицкія

(111) Mythologie der alten Deutschen u. Slawen, von A. Schanz. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volkslieder, von L. Rhesa. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (*Maïen, betulae*). Епопъ обычай, столь близкій съ обрядами Иудейскаго праздника кущей, многіе писатели выводящъ изъ Римскаго Языческаго, почитая оный оспашкомъ игръ въ честь богини *Мам*, маперіи проводника душъ, Меркурія, (*Мајума*). Въ Англіи бывающъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троицкія* игры (*Whitsunday and holy day's stories*) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соотвѣтствуетъ Нѣмецкому *alter Weiber Sommer*, ш. е. старое женское лѣто, или *Marienfäden*, нити паупинъ, бывающія въ Сентябрѣ (114). Въ началѣ Ноября, когда горными Шотландцами возжигаются костры въ память усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя*; тогда Нѣмцы пекутъ родъ хлѣба или блиновъ *die Seelenwecke*, или *Zucker-Seele*, сахарная душа: епопъ день (2 Ноября) у Датчанъ извѣстенъ подъ именемъ *Sjaludag*, день всѣхъ душъ, соотвѣтствующій нашей осенней родительской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣтельству Та-

(113) *Die Feste der alten Christen*, von D. J. E. Augusti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) *Die Gründung Prag's*, ein histor. romant. Drama, von E. Brentano. Pest. 1815. 8. — *Edda Saemundina* t. III.

щища (115), трупы знаменитыхъ мужей сожигались, а надъ прахомъ ихъ насыпаемы были курганы. У Естовъ, прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря, въ IX вѣкѣ погребеніе имениныхъ мужей сопровождалось *тризною*, копорая состояла въ пиршествѣ и конскомъ распаніи, на коемъ побѣдители по жребію получали имѣніе покойнаго (116). Праздники предъ сѣяніемъ полей и по окончаніи жатвы (*Erntefeste*), у Нѣмцевъ сходны съ Рускими, у копорыхъ *Авсень* одинаковъ съ *Arsten*, или *Arsteden* посѣвъ (117). см. стр. 12. У Нѣмцевъ бездѣльный понедѣльникъ (*blauer Montag*) Масляницы сопровождался обжорствомъ, пьянствомъ и разными пошѣхами: тогда ѣли блины (*Kringeln*), или оладьи, также качались на качеляхъ.

У Славянъ Рускихъ и у Нѣмецкихъ племенъ былъ судъ *Божій* (*Dei iudicium*, *examen*, *Gottes Gericht*), или Ордали, кои ведутъ свое начало отъ Язычества, изъ глубокой древности, и кои сколько укоренились въ вѣрованіи народа; онѣ долго терпимы были въ самомъ

(115) *Taciti de mor. Germ. c. 27. Geschichte der Meinungen älter. u. neuerer Völker, von J. Lindemann. Stendal, 1784. 12.*

(116) *Несторъ Рускія лѣтописи, ч. III. перев. Д. Языкова. СПб. 1819. 8.*

(117) *Plattdeutsches Wörterbuch, von J. Dähnert. Strals, 1781. 4.*

Хрістіанствѣ (118); употребительные у Нѣмцевъ и Славянъ Рускихъ Божіи суды были: испытаніе огнемъ (*Feuerurtheil*, *judicium ignis*), водою, (*Wasserurtheil*, *judicium aquae*, или *aquaticum Dei judicium*) и судебный поединокъ, или поле (*Kampfurtheil*, *judicium pugnae*, *duellum*, *judicium campi*) (119). Первое у Рускихъ Славянъ правда желѣзо, на желѣзо (120), у Сербовъ тазіја, или испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ употреблялось въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а другое (*на воду*) въ менѣ важныхъ, преимущественно въ судѣ колдуновъ, чародѣевъ и воровъ, коихъ бросали въ воду, подобно какъ и кумиры опроверженныхъ боговъ. Единоборствомъ, или полемъ, какъ способомъ славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ, рѣшались шажбы (121). Нѣмцы и Скандинавы клялись Одиномъ и Торомъ, Славяне Перуномъ, а Липовцы Перкуномъ — божествами грома; онъ держалъ въ рукѣ кусокъ желѣза, разжигаемаго при испытаніи огнемъ обвиняемыхъ. Можетъ быть, и самое слово право происходитъ отъ *Прове*, *Правно*, у

(118) *Deutsche Rechtsalterthümer von J. Grimm. Göttingen, 1828. 12.*

(119) Опытъ Исторіи Росс. государственныхъ и гражданскихъ законовъ, Профессора А. Рейца, изд. Профессора О. Морошкина, М. 1836. 8.

(120) Карамз. II. Г. Р. III, прим. 248.

(121) Рускіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831 — 34. IV ч. — *Erwer's ältestes Recht der Russen. Dorp. 1824. 8.*

Нѣмцевъ Probe, Prowe, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ шоржесшвенное принятіе кляшвы выражалось словомъ така, сходнымъ съ нашимъ такъ; очиспишельная присяга, или кляшва называлась Låde, на спаромъ Нѣм. Leita: опскуда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл: *Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали.*

Между повѣрьями естъ довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, *beschreien*, *einen bösen Blick haben*; у первыхъ естъ *Springwurzel*, такъ какъ у другихъ *разрывъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, копорая оппираетъ всѣ замки и опкрываетъ сокровища. Вѣра въ волшебницъ и колдуней (*Hexen, Wettermacherinnen*) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно испребити и самая Реформація. Опъ Миеологіи древне-Нѣмецкой, споль сходной во многихъ черпахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финнскою и Липовскою,

(122) D. J. F. Eisehart's Grundsätze der deutschen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Klany. Znaim. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь супъ развалины какихъ-то огромныхъ народовъ, претворившихся въ массу другихъ племенъ—Варяговъ и Славянъ: оспашки Финскихъ поколѣній находящся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особенно сѣверныхъ и воспочныхъ, подѣразными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финскаго происхожденія, хопя при такомъ превращеніи не возможно, чтобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качесства въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124).

Сѣверные Славяне, поселясь между Финскими племенами и по сосѣдству съ оными, и, превышая ихъ своею образованностью, болѣе сообщили имъ своихъ понятій и обычаевъ, чѣмъ сами опъ нихъ заимствовали. Последніе долѣ оспавались въ Язычествѣ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ мнѣологическихъ между Рускимъ и Финскимъ почти нѣтъ сходства, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ Ригу, родш. *Rigum* (125). У Финновъ также празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажи-

(124) Непоръ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finnische Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. Sjögren, S. Petersb. 1821. 8.

гается косьперъ хвороспу и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ Кокко (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ есть и селеніе Кокуй, называется епопѣ огонь кокуемъ, отъ коего вѣроятно получила свое наименованіе Кукуевой Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали травы въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопѣляхъ и гудкахъ; молодежи и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финнское, на Ивановъ день подъ дубомъ закаляютъ бѣлаго пѣшуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. Колдовство, волшебство, коби и кудесы, или чудеса господствовали между Финнскими племенами и Чудинцами, даже самые Новгородцы нередко ходили къ Чудскимъ кудесникамъ, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

(126) *Lexicon linguae Finnicae*, auct. G. Renvall. Aboae, 1823. 4.

(127) Карамз. И. Г. Р. XI, пр. 68. Въ Уставѣ В. К. Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева гора*. см. Руск. Достопамятсти, ч. I. М., 1815. 8.

(128) тамъ же, ш. VII, 193.

новъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — спраною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя Финнъ поже значило, что колдунъ; даже и до сихъ поръ въ Финляндіи есць колдуны (Tietyät, Noijat) (129). Какъ у Балтійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Репрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалъ: въ Репрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевтонскими Финнскія божества.

Достоѣно замѣчанія и изслѣдованія то, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жителей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны; Татпарскіе шаманы, Гренландскіе антекоксы сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Рускихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живетъ пара страшныхъ лѣшихъ — одинъ мужескаго пола Liek-köper, являющійся иногда въ видѣ пшцы, собаки, человека; другой женскаго, Ajattara, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовою, извѣстный подъ именемъ Мага, у Финновъ называется рајпајаі-нен, т. е. гнезущій, дающій — ходитъ въ

(129) Въспникъ Европы, 1828, № 13, статья И. Лагуса, Москов. Наблюдатель, 1856, Июль: Мысли о старобытностяхъ Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнапу; какъ *постынь*, наваливаясь на спящаго и давишь грудь его такъ, что онъ не можетъ повернуться. Въ Карелии, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слывающая у Финновъ Turgjän wuogi, т. е. гора Тура, или Тора, прославляемаго въ нѣкопрыхъ Финскихъ и Русскихъ пѣняхъ и споль извѣстнаго въ Скандинавской Мифологіи. Какъ на югѣ Россіи вѣдьмы слѣпаются на Лысую гору подѣ Ивановъ день: такъ, по мнѣнію Финновъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресенье онъ уносятъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински Bläkulla, или Blocksberget — островокъ, находящійся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, частію оспашки отъ временъ Каполицизма, напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрѣля), который празднуется пѣнями, играми и попойками, въ *Екатерининъ* (25 Ноября), *всѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россіянъ въ день Бориса и Глѣба, такъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Іюля), не занимающія сельскими работами, чтобы не лишиться плода оныхъ. Хрістіанскіе праздники осправляются у Финновъ съ мно-

гими увеселеніями и играми; на Свяшой они пригошвляють прѣсныя лепешки изъ муки (пѣмтѣ), объ Рождесшвѣ Хрісповѣ въ чesпѣ грома пекушъ большой хлѣбъ, выславляемый на канунъ сего праздника и хранимый до весенняго поcтѣва, во время коего онъ раздаешся всѣмъ домашнимъ. Рождесшво (Joulu) почишаешся величайшимъ въ году шоржесшвомъ; на шпрешій день онаго (27 Декабря, память Св. Стефана) молодые мушны, ходя со двора на дворъ, спрашиваютъ: дома ли Стефанъ? Опвѣшомъ служипъ угощеніе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксіи, особливо въ Кареліи и сѣверной Оспроботніи, день всѣхъ Свяшыхъ (Кеккі, или Кёугу) еcтѣ большой праздникъ жашвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во вшорникъ на Масляницѣ во всей Финляндіи ѣдятъ блины и другія жирныя кушанья, капаются на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Свяшой недѣлѣ, подобно Рускимъ, качаются на качеляхъ. Въ весенніе и лѣтніе праздники бывають хорошоды, кои прежде важивали спарухи.

Какъ Литовская Мнѣологія и Еоршологія представляють намъ многія черты, общія съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: то, преж-

де чѣмъ приступимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы*. Подъ словомъ *Липвы* разумѣются два разныхъ племени, именно 1) *Липва* означаетъ Великое Княжество *Липовское* въ наибольшемъ его распространеніи. А какъ собственная *Липва*, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: то подъ *Липвою* разумѣли Россіяны, или Русины въ Великаго Княжества *Липовскаго*; 2) *Липва* — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ *Виленьской Г.* подъ именемъ *Жмуди*. У Польскихъ писателей *Липва* часто употребляется вмѣсто *Липовской Руси* и вмѣсто *Жмуди* или *Самогитіи*. Въ отечественныхъ *лѣтописяхъ* *Липва* называется *поганою*, вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, т. е. языческимъ, обычаямъ.

Липовская Мифологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

(130) *Dzieje starożytne narodu Litewskiego* p. T. *Narbutta*, t. I. *Mitologia Litewska*. Wilno, 1835. 8.

Липовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, копорымъ они клялись; самое слово на Липовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремишь громъ; по и донинѣ Липовцы говорятъ: *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ*. У Липовскаго города Ромове стоялъ огромный вѣчнозеленый дубъ, посвященный Перкуну, предъ коимъ шеплился неугасаемый огонь. Вмѣстѣ съ городомъ испребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, т. е. богъ см. выше Липовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemięnikas, по мнѣнію Бандке (131), соотвѣтствовалъ Славянскому Горовиду, а можетъ быть, и горкль, преобразившейся въ уменьшительное опъ имени Георгія: Гурко былъ богомъ земнымъ урожаа хлѣба. Богинею, маперью свяшаго огня, была у Липовцевъ Praugime, сходная съ Римскою Веспюю. Ладо, какъ выше замѣтили мы на стр. 18, извѣстна была у Липовцевъ, у копорыхъ, съ 25 Мая по 25 Юня, дни посвящались сему божеству, коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣнуховъ, въ честь его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами, какіе и въ Рускихъ

(131) Исторія Польскаго народа. С. П. 1836. 2. ч. 8.

есть пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, ш. е. Ладѣ! великая наша богиня. Простолюдины величали ее *золотою Ладѣю*, которая, повидимому, поже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась Perkunatele, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сѣ прозваніе Пресвятой Богородицы: Ronna Marya Perkunatele, или Perkunija. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицы Маріѣ *громницъ* (Gromniczey Nauswiewssey rannu Maryi); во время богослуженія народъ стойшь въ церкви со свѣчами, кои называютъ *громницу*. (132) Руская Липва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню Dola и Pilwis, сходную съ Римскою Fortuna и Славянскими *Дажба*, *Дажьбогъ*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соопшѣтствуетъ Липовской Zemmes mahti, подземной богинѣ, пребывавшей въ срединѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Липовцевъ Dukpa, у Жмуди Gudelka, а на Украинѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ Lub-

(132) Записки Профессора П. Н. Лобойки.

leniczu и Lubicz, происходящій опъ Рускаго гл. *любить*, есць Липовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ*, у Липовцевъ были Siemi dewas, Koboli, *постень* — Ajtwaros, *злыдни* — Zlydni, кои завсегда дѣлають пакосши и разореніе; гдѣ они водворяются, шамъ спорынью съѣдають (oni spog zjadaja) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Липовцы благоговѣли къ камнямъ, кои назывались Gamaheu, Gamaheus lapis, *горамъ* (katnar), къ священному огню, *Зничу* (134), сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ*, *святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почитаемыхъ священными: *бузьянъ*, *дубу*, *липѣ*, *соснѣ*, *вербѣ*, *вязу*, подъ коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волынской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., что оно было „леспиво; жря бо богомъ своимъ впайнѣ: „пръвому Нонадѣви, Телявели и Деверикзу, „заечему богу, и Медѣину; егда же выѣхаше „на поле и выбѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(153) Dzieje storozytne narodu Litewskiego. t. I.

(134) Varuszewicz Hist. nar. Pol. t. I. str. 451.

(135) de la poësie Lithaunienne. v. *Catholique*, à Paris, 1828, t. I. No 5.

„сорощеніа (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломиши; и мертвыхъ пѣ- „леса жьжиташе (136).“ Примѣта сіа о пере- бѣжаніи зайцемъ дороги, существовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Липовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Липвѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оспавались въ народѣ спарыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ расстаться, какъ бы съ наслѣдствен- ной святыней и часпо углублялся въ дрему- чіе лѣса совершашь оныя.

Липовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) дневные и ночные, по 12ти въ каждой половинѣ; долгоша оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣстна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли *Sertiniū diem*, семидневіе, начиная счесть съ пяшницы, кошорая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почиалась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по шеченію свѣспиль небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (*Ménuo*) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз.* II. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — *Абе- вега Рускихъ суевѣрій идолопоклонническихъ*, соч. М. Ч. М. 1786. 8.

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятию періодами (крутами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Мифологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Маршомъ (Кавасъ), который посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Лапыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по счисленію отъ одного новолунія до другаго, и поному ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Литовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Русскими (137).

1. *Новомѣсячія*. Каждая первая пятница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) въ году торжественно праздновался въ честь богини Пергубы, Литовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому шпилю 22го), который донинѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, p. 1. Narbutta. t. I. Wilno. 1855. 8.

Лѣпшѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ легкой одеждѣ выбѣгають за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поютъ, что идутъ встрѣчать весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращающіяся обратно скачутъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгають по всему селенію; попомъ въ одномъ домѣ находятъ гоповую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселился. Спрыйковскій, очевидный свидѣтель оспашковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ это время приносили жершвы богамъ первоспепеннымъ, особливо Пергрубѣ. Нѣсколько сель, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собирались въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайшъ (жрецъ) за кружкою пива, спояваго на сполѣ, читалъ молитву, начинающуюся словами: „о госпоже наша бо-
„гиня Пергруба, ты прогоняешь неприяпную
„зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь
„рощи и лѣса! молимъ тебя, умножай щедро
„хлѣбъ нашъ посяннѣй, дабы онъ росъ коло-
„систо, а весь куколь выпопчи.“ и т. д. Послѣ молитвы, приносили жершвы одну

(138) см. въ Вѣстникѣ Европѣ, 1829, ст. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Пергрубъ, попомъ Перкуну, чшобы „онъ отвращилъ ошъ земли Липовской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякіи вредныя воздушныя перемѣны“, и наконецъ, ублажающъ Свайспикса, бога свѣта, чшобы „онъ яснымъ и милоспивымъ лицемъ озарялъ нивы, луга, огороды,“ и богиню Пильвиту, чшобы помогла наполнить житницы плодами.

3. Липовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Святками, но неимѣющее никакой связи съ Хрістіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, мѣлическое, хощя и впадаетъ въ оный. Ешо праздникъ паспуховъ, кѣпорые воспоминающъ своего божка Гонигля, Липовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139). И шеперь еще сохранились ошашки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ ешопъ день паспушки съ паспухами, нарядясь въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, ушромъ ходящъ по всему селу, ошъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ дарящъ и подчуютъ; въ полдень на паспбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлаещ-

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von L. Rhesa. Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный спарикъ изъ паспуховъ, или за неимѣніемъ его, спаруха распоряжаетъ оною. Между тѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и шрубкахъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Такъ паспухи коровъ поютъ: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ паспуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; шебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не допуститъ шебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волость собравшись въ одну просторанную сподолу (ригу), приводили шуда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали пѣсно изъ пшеничной муки. Когда все было готово: тогда жрецъ (вейдапѣша) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднималъ козла къверху, какъ очистишельную жершву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закадали его и кровью его окропляли народъ. Между тѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили въ поле для жершвоприношенія подземнымъ богамъ, которое состояло въ зары-

ваніи въ землю коспей и всѣхъ останковъ
отъ сей прапезы. — По наблюденіямъ оп-
крываеяся, что поржесшво сіе съ обрядами
и жершвоприношеніями, болѣе или менѣе
сходными, было общимъ не токмо по всей
Липвѣ, но и въ Липовской Руси (140). Въ
южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срез-
невскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню,
которая изображаея жершвенный обрядъ,
похожій на Липовскій:

За рѣкою, за быспрою, ой калѣдка!

Лѣса споянѣ дремучіе, — —

Во пѣхъ лѣсахъ огни горянѣ —

Огни горянѣ великіе —

Вокругъ огней скамьи споянѣ —

Скамьи споянѣ дубовыя —

На пѣхъ скамьяхъ добры молодцы —

Добры молодцы, красны дѣвицы —

Поюнѣ пѣсни калѣдушки. —

Въ срединѣ ихъ спарикъ сидиѣ; —

Онѣ шочиѣ свой булашный ножѣ. —

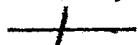
Возлѣ его козелѣ спойнѣ. —

4. Наканунѣ С. Іоанна Предшечи, 23 го
Іюня (или Івана Купала) въ Липвѣ оп-

(140) Dzieje staroż. narodu Litew. t. I.

141) Украинскій Вѣшникъ, Апрѣль, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по старопруски *Кекирисъ*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздника пастуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ эту пору и теперь Липовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ этого, можетъ слѣдствовать, лѣтописцы и заключили, что праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяцъ; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Іюня: эта ночь собственно называлась *Роса*, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; ибо почитаніе богини Ладо было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Липовѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Соботки* отъ гл. *собить*, *собина*, *приспособить*, какъ бы день, приготавливающий къ полевымъ работамъ; ибо въ теплѣйшихъ странахъ праздникъ этотъ почти сходящійся съ сѣнокосомъ (142). Липовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь, Поздно вечеромъ всегда собираются они на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: тамъ на оболонѣ (полянѣ) ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни

(142) Gry i zabawy kóŹnych stanów. p. L. Gótebiowskiego, w. Warszawie, 1851. 8.

продолжающагося во всю ешу ночь. Донынѣ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сходитсѣ въ лѣсъ за городъ пишь, ѣшь и веселишьсѣ; ешо называется у нихъ : *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣшетъ для счастливицевъ папоротъ (*parrot*), копорой извѣстенъ во всей Бѣлоспожской области, на Волинѣ. Сходбище на одномъ мѣстѣ народа называется *стадомъ* (*stado*), а пляска — *коркодономъ*. Въ Липовскомъ язычествѣ ешомъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ перескакиванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почиался святымъ; тогда собирались правы для врачеванія скота, также для чарованія или колдовства: что дѣлалось и на Руси. Мнѣологи замѣчаютъ, что сей праздникъ, у Славянъ слывущій *Купалою*, соединяемъ былъ съ молишвами рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно, и Липовцы, копорые святили свои воды пекучія и сполчія, въ ешомъ день приносили имъ жершвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, названъ онъ *праздникомъ росы* въ слѣдствіе мнѣнія Древнихъ, что рѣки суть дѣщи моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, отъ коихъ бываетъ и роса. Замѣчательно, что оный шѣмъ опличенъ

онъ другихъ , что не оканчивался поминове-
ніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце вступаетъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Литовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (*Parimene*). По описанію Ласицкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, епомъ снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, опправлявшихся въ домѣ. Прусскіе литовисцы основываютъ весь епомъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего селѣ , гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Литвѣ при епомъ случаѣ оспались только слѣдующіе обряды: 1) жница , при самомъ началѣ жатвы , какъ скоро захватитъ и опрѣжеть серпомъ первую горсть ржи , опкладываетъ ее въ спорону; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями , поющія жницы смѣняютъ одѣ другихъ. По окончаніи дневной работы , первая жница , украшенная цвѣтами, несетъ первенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ , гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами. Все время жатвы въ Литвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ празд-

несповомъ. У древнихъ ешотъ праздникъ назывался Pгаorсіае, а у просполюдиновъ Pгае-astugіае, и опправляемъ былъ съ нѣкоторыми духовными обрядами. — Толока (Тюка) извѣстна вездѣ въ Литвѣ, гдѣ шакъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевою работу приглашающія охотники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Литвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называется Дарішмено, коего слѣды естъ въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжатого хлѣба жнецы сплетаютъ вѣнокъ, украшенный цвѣтами и шравами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣщательницу, и по окончаніи работы, идутъ на барскій дворъ. Избранная предшествуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ; шествіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ вспрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и спаканомъ пива на блюдо, и въ горниці принимаетъ опъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ старыя времена, кромѣ такого частнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее шоржесшво для всего селенія и жершвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Септябрь, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семень день, Семина недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; съ Литы* отправлялся великій праздникъ, который называетъ Спрыйковскій главныйшии, въ честь *Земеника*. Въ это время приносили на жертву множество домашнихъ животныхъ самцовъ и самокъ, вѣроятно, въ честь отечесственныхъ боговъ и богинь. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ и по преданію народному, на епошь праздникъ собирался народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по досташку свою часть въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался столъ столешниками или скапершями; на чепырехъ углахъ онаго ставили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили туда связанныхъ парно телца и шельцу, бараца и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣтуха и курицу, гуся и гусыню и ш. д. Жрецъ, прочитавши молитву надъ сими животными, начиналъ бить ихъ палкою, а присутствовавшіе добивали съ такими словами: „Епошь шебъ, „о Земеникъ, боже нашъ, жертвуемъ и кла- „няемся, что въ минувшее лѣто ты насъ „сохранилъ въ здравіи, обилии всякаго добра „и въ досташкѣ, соблюдалъ отъ огня, меча,

„моровой лзвы и отъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побивъ звѣрей и птицъ безъ пролипія крови, варятъ, жарятъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Пруссоевъ оканчивался при храмѣ Швентъ (святыни, нынѣ *святая стѣкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и приготовленіемъ новаго.

8. Торжественныя поминки, или Родительская въ Литвѣ извѣстна подъ именемъ *Хавтурей* (*Chauturas*) отъ *Чау*, *хавъ*, смерть: отсюда *chowai* хоронящъ, погребашъ: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдины*, *Осенины*, (*Обѣа?*) отправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*, въ память усопшихъ родителей, родственниковъ, друзей и благодѣтелей. У Латышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался *Деewa deenos*, т. е. *Божій день*, или *Welli*, т. е. праздникъ богини вѣчности Веллоны; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій епомъ обычай, общій съ Литовскою Русью, въ западной Руси слышенъ *Dziady* дѣды, нийце, которымъ въ

епо время раздаеся щедрая милостыня, или по объясненію Мухлинскаго, епо шоржество совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козля*, гдѣ первенствовали *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (*Sikies wellonia ramixlos*): епо были родъ Рускихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на конхъ изображался знакъ *пемикеліосъ*, ш. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креста, или ключъ мнѣщескій (†). Такіе блины употребляющся еще при поминкахъ у Татпаръ Липовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значащъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *сігсипротатіо*, крутовая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыла*, или *страва*; на Польскомъ и донынѣ *stura* значащъ похороны, а *strawa* харчъ, кормъ. Радунница, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вторникъ на Оминой недѣлѣ, въ Рязанской Г. называется *наскдѣй* и *навій день*: что сходно съ Липовскимъ словомъ *павіе* мершвецъ (144); ибо въ епошъ день собираются на могилки на кладбище помянать родителей.

(143) *Huslarz* Польск., а Богемское *Hozlar* знач. чародѣй, кудесникъ: епо сходно съ происхожденіемъ Греческой трагедіи.

(144) Ср. *Карамз.* II. Г. Р. ш. II, прим. 189.

Мѣспомъ заупокойнаго пира у Липовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Липовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Рускими простонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было пищи и пивья? „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?“ и пр. У нихъ также въ шрепны, девяпины, сорочины дѣлались поминки пиршествами (145). Доспойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлать пиршества въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка Іереміи (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (Ilgi), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству лѣтописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній Перкуну, бѣсъдъ, игръ (гуслярствъ). Липовскій лѣтописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили долгій праздникъ по такому именно случаю: когда Крыжаки (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогитіей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Липов. Мифологіи.

державъ природныхъ жителей въ неволѣ и угнетеніи, вывели ихъ изъ терпѣнія грабежами и насиліемъ: тогда Самогитяне, стоворившись тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырѣзали всѣхъ своихъ угнетенныхъ и потомъ, пируя двѣ недѣли сряду, приносили благодарственные жертвы богамъ, и въ воспоминаніе ешого событія учредили долгій праздникъ.

10. На шестій день послѣ предыдущаго отправлялся праздникъ *Вайжганта*; для онаго избиралась въ селеніи прекрасная, дородная и ловкая дѣвица, кошорая съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ и съ передникомъ, наполненнымъ блинами и аладьями (*sikies*), вводилась въ ~~въ~~ *ошподогу*, или обширное зданіе, гдѣ приготавливалось пиршество, соединенное съ особливymi обрядами. Стоя на одной ногѣ на скамьѣ, а другую нѣсколько приподнявъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ дверямъ, она держала въ лѣвой рукѣ длинную ленту, а въ правой стаканъ пива, и произносила слѣдующія слова: „Божокъ Вайжгантось, уроди намъ лень шакой долгій, какъ я; не допусси, чтобы мы нагіе ходили!“ Троекрасно повторивъ сіе, она сперва выпивала разомъ пиво, потомъ лила его на лѣвую сторону скамьи своей, а наконецъ бросала стаканъ на

правую спорону. Наконецъ бросала изъ фартука всѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присутствовавшими при епомъ обрядъ, упавшіе налѣво обращались въ собспвенность земли и боговъ подземныхъ, а пошому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла успоять во все продолженіе обряда на одной ногѣ, перяла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожаѣ льна. За шѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, припѣвая: „Возьмемъ верешены, сдѣлаемъ ку-„дели, устави́мъ красны! Ванджанпо́сь бу-„дентъ милоспивъ до насъ; ибо банюта пре-„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „проспоела на одной ножкѣ!“

11. Въ Февралѣ м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ определенное на ешо время, черезъ восемь дней, народъ въ Липвѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянству въ честь сѣвернаго Бахуса, кого болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ песпрыми быками, изъ деревни въ деревню, шакъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался масками и шолпою на-

рода. У древнихъ Липвиноѣ епопѣ праздникъ названъ : Kuzseemí , или Kuzumí.

12. Коледою (Okkaat-gimimas) у нихъ оканчивался старой годъ, который, по новому Римскому календарю , приходился почти въ половинѣ Марта , т. е. на исходъ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и отправлялся въ честь бога Оккаиर्मоса, съ ворожбою и загадываніемъ , примиреніемъ со врагами и пригопвленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году : для сего соединены были съ епимъ празднествомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Липовцевъ на-канунъ Коледы бывалъ *вечеръ колодокъ* , который они паскали изъ селенія въ селеніе , перескакивали черезъ оный и попомъ сжигали его съ разными спранными обрядами и пѣснями. Лапыши до сихъ поръ помнятъ Блюкковой, или *вечеръ колодокъ* , который бывалъ о Рождественскихъ Свяшкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донынѣ женатые привязываютъ къ ногамъ холостыхъ колодку, опѣ коей послѣдніе откупаются угощеніемъ и деньгами. Епо на Масляницѣ называется : *солочить ко-*

лодку. По наблюденіямъ Нарбунпа, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, украшенный лентами, который вырывали женщины и куда прыгали съ пѣснями и криками. Повидимому, это долженъ быть символъ возрожденія Окапирмоса, Липовскаго Сашурна. На-канунъ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго пиршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кроме бобовъ), приправленные медомъ: это вариво и теперь въ Липовѣ называется *кутьсю* (kutsya). Въ Украинѣ въ этоже время готовится подобная купья, или кушя, и ставишся на покупи, ш. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, варенныя въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Липовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ липовѣмъ воска и олова, шакъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О чертяхъ, упыряхъ, вулколакахъ и оборотняхъ въ Липовѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

(146) *Lud Polski jego zwyczaje*, p. Ł. *Golebiowski*, Warszawa, 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Липовцевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кунигованія*, который состоятъ въ томъ, что невеста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголъ каждой комнашы. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ею окрашенныхъ, изъ плащенищъ, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослого парня, называемаго ея брашомъ. Въ этомъ обрядѣ видѣнь родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: *Cunagium*, *Rapienskie*, или *Купіса*, дѣвичье, а на Руси: *купичное*, *свадебная*, *вѣнечная кунца* (147). Въ Костромской губ. доселѣ поютъ въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу по кунцу, кунцу,
А попадѣ по лисицу, лисицу;
А попову по сынку
Бумажечку синю.

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. 1. стр. 411.
„А мировая кунца и свадебное имали по шести грошей, а со вдовы имали по тому жъ, которая поидетъ за мужъ.“

Славяне въ танцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь погрѣшительное и религіозное. Когда собиравось *стадо Господне*: тогда съ дѣвичей горы сходили будущія невѣсты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, спарики и дѣши, хлобая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди танцевъ и пѣсень шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе танцовъ или понокѣвъ именуется *короводомъ* (см. стр. 68): такъ Русь и Липва танцы свои прозываютъ *короходомъ* (*koro-hod*), говоритъ Гвагнинъ, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо*.—Соборки представляютъ поже древніе танцы, а слѣды спада Господняго (*stado boże*) едва уже нашель Ходаковский.

Липва почищается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно - Рускаго Язычества; нынѣшняя Самогичія носила имя *Святой земли*. При сличеніи же Мифологіи и Еорпологиіи Липовцевъ съ Славянскими, открывається, что онѣ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онѣ мало имѣли связи съ Польскими мифами и праздниками, исклю-

(148). Длугошь говоритъ, что въ Духовъ и ^{тѣхъ} роицнхъ день еще на его памяти народъ именно въ Липвѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славяно-русскіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Литовскіе съ ними почти пождественны, напр: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Мѣховскаго и Бѣльскаго; но свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими мифами, что трудно отдѣлить одни отъ другихъ; ибо, сіи испорички нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрыща. — *Dzieje star. narodu Litewskiego.* р. *T. Narbutta.* т. I. Wilno. 1835. 8.

(149) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке. т. I. СПб. 1830. 8. Библіотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, *Свигригайло*.

(150) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке, перев. съ Польск. т. I. СПб. 1830. 8.

сли о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдователями божества встрѣчающіяся сходныя съ божествами народовъ, соплеменныхъ Полякамъ, на пр: *Перунъ* (ріогун громъ), *Бѣлый* и *Черный* богъ, *Дажьдбогъ*, или *Дашуба*, *Чуръ*, богъ предѣловъ, *Коляда*, *Купало*, *Ладо*, или *Лада*, *Хорсъ*, или *Корша*, одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошъ*, или *Мокошъ*, *Волосъ*, *Прове*, или *Прово*, *Стриба*, или *Стрибогъ*, *Посвистъ*, или *Похвистъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминающіяся *Кикиморы*, *Дубыни*, *Горыни*, *Полканы*, *Волоты*, *Кащен*. *Русалки* въ Польшѣ называющіяся по Нѣмению и Свинпезю, то *Нѣмнянками*, то *Свинтезянками*, см. стр. 12. Мѣховица замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣвають *Лада, Лада*: такъ Мазуры восклицаютъ *Дана Дана, Дада Дада*. Гванинъ говоритъ, что Поляки развѣселясь, восклицали: *Lelum polelum*, сходное съ Рускимъ: *Ай моли моли!* Опъ епото и поговорка: *Lelum polelum, swistum poświstum*. *Леля* и *Позвиспа* Войцицкій почитаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошъ утверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и шребища; вѣроятно что онѣ, такъ какъ велось у Славянъ, чпи-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались поржеспвенные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились мушны и женщины съ дѣтьми для принесенія жертвъ и исполненія обѣщаній. Въ честь божествъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминаютъ и домашніе наши писатели. „Оспашки сихъ игрищъ и обычаевъ у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — существующъ донинѣ и по испеченіи пшеницы въковъ ихъ Хрістіанства; такъ на примъ: ежегодно въ дни Пятидесятницы повсоряется игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, которое называется у нихъ *Стадомъ* (Stado); ибо народъ раздѣляется на толпы, празднуетъ попойками, крикомъ и неистовыми плясками.“ *Стадо* это сходно съ нашею *Тюльною* или *толпою* (turba?), какая бываетъ на Семицкой, или Троицкой недѣль (151).

Праздникъ смерти зимы и возобновленія весны (Umorzona zima) сопровождается въ

(151) *Ioannis Dlugossii Historiae Polonicae libri XII*, ed. *Gabrielis Grodeckii*. Lipsiae. 1711. f.

Великой Польшѣ и Силезіи тѣмъ, что по-
 пнѣ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ
 видѣ женщины. Епомъ обрядъ совершается
 въ Марпѣ мѣсяцѣ, о коемъ и пословица
 гласитъ, что *Miesiąc Marzec zwykł starych
 straszyć marami*, т. е. мѣсяцъ Марпѣ привыкъ
 морочить (спращать марами, мечшами) ста-
 рыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно
Márscowe piwo, *Мартовское пиво*, которое ва-
 рится къ етому празднеству. Нарушевичъ
 говоритъ, что Маржана, или Марана у По-
 ляковъ, Силезцовъ, Лузашиновъ, Сорабовъ, и
 даже Семиградцевъ, имѣла божескія почести,
 какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана*
 значитъ смерть (152). Марпынь Бѣльскій въ
 Хроникѣ своей говоритъ слѣдующее о проис-
 хожденіи сего поржесственнаго обычая: „Мѣш-
 „ко слѣпорожденный, послѣ отца своего из-
 „бранъ на царство. У него было семь любов-
 „ницъ, отъ коихъ не имѣлъ дѣтей: что и
 „печалило его; и попому уговаривали его нѣ-
 „которые хрістіане, чтобы онъ крестил-
 „ся, если хочетъ имѣть потомковъ. Онъ
 „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаются: *Мара свитова*, т. е.
 Ека ты сатана! разумѣя душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убилъ брата Вацлава, именемъ Домбровку. Король Чешскій на епо согласился съ тѣмъ, если приметъ св. крещеніе. Мѣшко принялъ это условіе и крестился въ лѣто оупъ Р. Х. 965 въ Гнѣзнѣ: тамъ назвали его *Мечиславомъ* отъ славы доброй, а прежде именовался *Мѣшко* отъ *замышательства* въ Государствѣ и отъ того, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ богатымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта, *звергнуши въ огонь деревянныхъ болвановъ и побросавъ въ воду каменныхъ*. Отъ того и нынѣ еще тотъ обычай въ Великой Польшѣ и Силезіи, что седьмого Марта топятъ *Маржану*, нарядивъ ее женщиною, и выпешши изъ деревни, припѣваютъ: „*Смерть съется по заборамъ, ища хлопотъ*.“ Ибо не задолго предъ тѣмъ они почитали планеты, *Погоду, Позвизда, Гелу, Ладу, Дзѣвану*, т. е. *Діану*, *Маржану* и многихъ другихъ.“ Въ продолженіи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сыномъ Іоакимомъ въ 1597 г., подтверждается епо слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки, принявъ Хрістіанство, перебили изображенія болвановъ, въ конхъ почитали чертей за боговъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ сожгли: также уничтожили всѣ языческія мольбища, назначивъ для сего извѣстный день,

„п. с. седьмое Марша. Таковые болваны ви-
„дѣль Мѣховиша позолоченные въ церкви С.
„Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись
„на землѣ. Во время погоже Мѣшка, въ Кра-
„ковѣ надѣ Вислою, гдѣ нынѣ женскій мона-
„стырь Св. Агнешки, было Греческое капи-
„ще, изъ коего также Мѣшко повелѣлъ вы-
„бросишь черповскіе болваны и на мѣсто
„оныхъ поставишь изваянія спраспей Хрісто-
„выхъ. На моей еще памяти, велся у насъ
„по деревнямъ попомъ обычаи, что въ бѣлую
„недѣлю послѣ поста попили болвановъ, сдѣ-
„лавъ изъ снопа или конопля подобіе чело-
„вѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали
„до озера или лужи, куда бросали его, снявъ
„одежду съ жалобными припѣвами.“ Ештомъ
обычаи, существующій въ Славянскихъ зем-
ляхъ, совершается и въ Саратовской Г.,
гдѣ при *провожаіи весны* дѣлають также
соломенное чучело, наряженное въ кумачный
сарафанъ и убранный цвѣтами, съ чуплюкомъ
(кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на
шеѣ; наканунѣ Пешрова дни носятъ оное
по всему селенію, попомъ раздѣвъ, бро-
сають въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Maj, та-
jówki), такъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

селянски и гуляню. Голембовскій говоритъ, будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, кошорую прославляли въ пѣсняхъ и пляскахъ. Она сходствуетъ съ Финскимъ *Ма* земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исландъ, былъ сынъ земли (*Маја*) (153), обновляющейся въ *Маѣ* мѣсяцъ, копорый находится въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Липвѣ, 1 го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскутками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая:

Kolo toho da zielonoho kusta
Posijano soczyweczku z husta,
Kto tuju soczyweczku porwe,
To tuju dzieweczku za muž wozme.

Какъ въ Липвѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинаковыми обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (*Kupalna noc*), въ послѣдней подѣ названіемъ *Sobótka* (154), а у Волоховъ и Иша-

(155) *Maia* также мать Меркуріа.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Брацлава *Sobotka* Соботка, описываемая Кохановскимъ; опирающаяся въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора *Zobten* есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Соботка.

Іванцевъ подѣ именемъ *Sabatina*: зажигаемые на горахъ сего имени огни въ епопѣ день могли имѣ сообщити сіе названіе. „Какъ у насъ на „канунъ Иванова дня женщины зажигали огни, „также плясали вокругъ ихъ, пѣли, возда- „вая поклоненіе діаволу (говоритъ Марпинъ, „писатель XVI вѣка): такъ и донынѣ въ „Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося „жертвы изъ чернобыльника (*bielicy, artemisia*), „который вѣшаютъ по домамъ и опоясыва- „ются имъ, отправляютъ Собошки, зажигая „огни, кои добываются треніемъ дерева объ „дерево“ (155). Въ день Святаго Ивана у Поля- ковъ сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгать, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Собошки праздновались на Кре- міонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*; въ цѣломъ краю зажигали Со- бошку, на площадяхъ и близъ лѣсовъ: вездѣ можно было видѣть по домамъ цѣшпы и sprawy, говоритъ въ своемъ путешествіи по Польшѣ *Огієръ* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался *Kręsz*.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собошскихъ пакъ изображаешъ епопъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваетъ „рака, а соловей болѣе не поетъ: Субошка, „какъ было вспарь, запалена въ Черномъ „лѣсь. Такъ намъ передали машери, сами „пакже занявъ опъ другихъ, чпобъ на день „С. Юанна завсегда горѣла Субошка.“ Ета Субошка зажигалась или на лугу, или при лѣсь.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣстно у Поляковъ, копорые подъ симъ именемъ разумѣють ясную, продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняетъ ето lato święto - Marcińskie: можетъ спастись, попому, что осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуетъ епопъ день; въ Вильнѣ во всякомъ домѣ жарящъ для служителей гуся, копорый называется *Мартынскимъ*. Канунъ новаго года (Wilnia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюденіемъ примѣтъ: что и донынѣ продолжается (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, такъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

пайно гадають о будущей судьбѣ своей липьемъ воска и олова въ воду и капышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ *Kołeɖa*, ko *Lado*, коего обряды съ нѣкоплыми перемѣнами донынѣ повторяются. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и игравали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, онѣ Рождества Христова по Богоявленіе съ дѣвцами съ цѣлой деревни собираются въ одну какую нибудь избу забавляясь разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣнуха. Какъ *Юрьесъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бывають въ Литвѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сѣлокъ; съ нихъ начинаются и оканчиваются ими хозяйственныя условія.

Въ праздникъ *трехъ Царей* (*trzech kró-lów*), о коемъ мы выше упоминали, въ Литвѣ и даже въ нѣкоплой части Польши наряжаются въ маски и ѣздящъ одинъ къ другому въ гости. Масляница, у Поляковъ *Zapusty*, бывала временемъ забавъ и веселостей, кои состояли въ маскированіи и наряжаніи въ разные образы, пляскахъ, пѣніи, въ капаньи и пиршествахъ. Въ Россійскомъ повѣсть Виленской г. привязываютъ чучело, похожее на человѣка, къ колесу, съ конемъ оно вертится. Что бываетъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобышнихъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Хрістово, Новый годъ, на Свѣшлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, такъ особенно опъ маслянаго четвершка до пепельной среды первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пированья, кои оканчивались въ четвершокъ *полосканьемъ* рта, какъ у Рускихъ простолюдиновъ чистымъ понедѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ отправляемы были *риспалища* съ пиршествами, кои извѣсны и въ Россіи подъ именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ — *Стравы*: *strawa* значить на Польскомъ кушанье, приготовленное на огнѣ; отсюда *trawić ogniemъ*, сжигать огнемъ. Другой свидѣльствуетъ, что подобныя *риспалища* и пиры языческіе при похоронахъ опмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами*; оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. Gołębiowskiego. Warschawa, 1851. 8.

Добрьшской, въ Куявахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣстны подѣ именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подѣ именемъ *жалъниковъ*.

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, именинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго, общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на епихъ предметахъ, о коихъ подробно пишетъ Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдемъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, вѣроятно, языческомъ свидѣтельствуесть поговорка у Поляковъ *Jak kamén w wodę*, сходная съ Рускою: *Какъ камень въ воду* — копорая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Епощъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Каполичества въ Польшѣ водворились и распространились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежныя съ Римскимъ Язычествомъ, кои допустила къ себѣ Римско - Каполическая цер-

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 ст. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословицъ Польскихъ.“

ковъ. Оно выпѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, шакъ что въ нихъ осталось мало *на-родности*, хотя Мазуры и швердятъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной части оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Рускаго народа.

Ближайшее и починѣйшее сравненіе Мифологіи и Еорпологиіи Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и празднествами Славянъ Рускихъ могло бы отккрыть: что у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности; духу своему и образу жизни на Западъ и Югъ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ почностію и полнотою Мифологія и Еорпология и не всѣ существующіе источники у насъ подъ руками: то мы и ограничимся здѣсь нѣкоторыми только извѣстными, болѣе общими чертами; а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздничное народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Мифо-

(159) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von A. Afany. *Snaim*. 2 T. 1827. in 8.

логія и Еорпологи́я не можетъ ограничиться одними Рускими, но должна бытъ изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Ельбы и Везера, а къ Югу до Адриатическаго моря; ибо у нихъ болѣе оспалось древнихъ памятниковъ Языческаго; а миобы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и исполкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаетъ Тунманиъ, не было столько мѣстныхъ боговъ, сколько у Славянъ, копорые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являющіся въ мірѣ полиптическомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и тѣ же божества у нихъ носятъ различныя наименованія, отъ коихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Миеографовъ. Гельмольдъ, Кромель, Длугошъ, Маршинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали истинныя и мнимыя божества Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе объясняли Славянскими. Въ Словарѣ Лапино - Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, опысканномъ Ганкою въ Пражской библіотекѣ, находимъ слѣдующія объясненія миеологическихъ именъ: Лѣпо Siva, Вааль bel

(160) *Helmoldi Chronica Slavorum*, l. I. 2 — 10.

boh, Диана Déwana, Дриады Poludnice, Лапоня Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless, Пенаты Screti, Пикъ сынъ Самурновъ Ztraces Sitivratow zin, Самурнъ Sytivrati; Сирена Lichoplesi, Тифоны Sani, Венера Lada, Церера Siva, Юпитеръ Perun, Меркурій Radigost wpukek Kirtow, Прозерпина Poritata и т. д. (161). Цесарь и Тацитъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя мифографы и историки причисляютъ большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Мифологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежащъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Мифологіи. Рюгенъ и Ренра были столицами богоученія; богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ епихъ разсадниковъ Языческаго могли распространяться повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуетъ одинъ общій духъ; не смотря на случайныя уклоненія: то и у Славянъ, говорившихъ нарѣчіями одного слова, могли

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjmetky a Wyswětlitwky kn Slávy Dceře. od I. Kollára. w Pesti. 1882. 8.

рыпѣ общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прокопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единого Бога.“ Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ шаманскими Нѣмцами, утратили чистое познаніе о единствѣ Бога, поклонялись ему подѣ видомъ многообразныхъ и многочисленныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люненбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвертъ (*dies Iovis*), назывался *regen dan*, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчій растѣніе *Perúnica* знач. *igis Germanica*. *Perunova dubrava* и *Sernebörg* находятся въ Сербіи; въ Далмаціи есть мѣстъ *Rigun Dabrava* (163). Тунманиѣ и Славянскаго Прона почитаютъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпатно-Россовъ, (165) Перунъ владычествуетъ надъ веснянками, осенянками, зимилками и упырями: Славянскій Панъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

(163) Карамз. И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.

(164) Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.

(165) Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморошскомъ, Угочьскомъ, Берегскомъ и Унгварскомъ.

Vali-ass выше замѣчено, былъ божесствомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихся скопководствомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Рускихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ воспоминается *Ладо* въ слѣд. пѣснѣ:

Лепи Иве шерга роже,
Теби Ладо свени боже,
Ладо, слушай насъ Ладо!
Пѣвкъ Ладо пева моти
Сердце наша вскланямоти,
Ладо, слушай насъ, Ладо! (167)

У Аидербургцевъ (Спарогородцевъ) главнымъ божесствомъ былъ *Проне*, у Полабовъ богиня *Сива*, у Обопритовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ торжествомъ. Въ Моравиѣ есть гора *Radgost*, а *Prgovo* гора на Ругенѣ. Покровителемъ зем-

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть припѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
Момиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Merseb. str. 181*: Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est sanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.

ли Ругенской былъ Свъповидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ поклонялись подъ именемъ *Бѣлаго и Чернаго бога* (Belbog, Zernebog), по свидѣтельству П. Шпѣкмана. Ему воздвигнуть былъ великолѣпный храмъ, ко-
ему Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Шпешинскомъ храмъ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо* (отъ *краду?*), игравшій роль Меркурія, которому поклонялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на ешой горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ пристаней острова: его признають за одно съ *Свътовидомъ*. см. спр. 18.

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. Рейца, перев. О. Морозкина. Москва. 1836. 8.

(169) А. Krantzii Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминають
оспапки города *Тројеглава* въ Славоніи и гора
Treglau въ Краинѣ. Голову отъ кумира Три-
глава С. Опшновъ изъ Шпешина послалъ въ
Римъ къ Папѣ Гонорію. — Чтò у Карпатно-
Россовъ *Русалки*, то у Виндійцевъ и Сербовъ
Вилы, кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и
на прибережныхъ скалахъ, изображаясь мо-
лодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ долгими распу-
щенными по плечамъ и по груди волосами
изъ осоки. У древнихъ Чеховъ *Mogusi* шуже
ролю играли, что у Римлянъ *incubi*. Булгары
вѣрятъ, что *Варколаки*, или *Полтеники* мо-
гутъ входить въ дома и вредить. Мы выше
замѣтили, что поклоненіе источникамъ и спа-
рымъ дуплистымъ деревьямъ, особливо дубамъ,
было общимъ не только у Славянскихъ, но и у
Германскихъ племенъ (170). Наши лѣтописи
свидѣтельствуютъ, что Рускіе Славяне
клали *требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см.
спр. 23. Изъ пѣсень и обычаевъ на Руси вид-
но, что у воды дѣлались гаданія, какъ напр.
въ Семицкѣ; въ одной старой пѣснѣ, какую по-
ютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, за-
мужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ кри-
ницу (ручей), который дѣлаетъ имъ отвѣсы,

(170) Карамз. И. Г. Р. ш. I. прим. 212. 214.

какъ оракулъ. Въ рукописномъ житіи XVI в. Князя Константина Муромскаго сказано, что Рускіе язычники „отъ очныхъ немощи умыва-
лись въ кладезяхъ и бросали въ нихъ сереб-
ряники“; что и донынѣ дѣлаютъ на святыхъ
колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. По-
добныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ.
Въ упомянутомъ житіи пишется, что ду-
„плинамъ деревянымъ вѣтви убрисцемъ обвѣ-
„шивающе, и симъ поклоняющесе.“

Хотя Длугошъ приписываетъ фецицизмъ
только Пруссамъ и Литвѣ языческой; однако
онъ, по мнѣнію Бандшке, господствовалъ въ
томъ или другомъ племени Славянъ. Гроды,
гродки, огродки, городища, лысыя, красныя
(чермныя, червонныя), поклонины горы и роуи,
дубрасы заповѣдныя, какъ-то: Swaty bog близъ
Салы въ Мерзебургъ и Branibor въ Брандебур-
гъ, были мѣстами священными, гдѣ соверша-
лись жертвоприношенія и другіе обряды въ
честь боговъ, умилостивительныя или благо-
дарственные, общіе, обычные или чрез-
вычайные (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у
Славянъ называлось годомъ, рокомъ, лѣтомъ: у Вин-

(171) *M. Frenzelii dissertationes historicae de idolis Sla-
vorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lausitzische Merkwürdige-
keiten von Sam. Grosser. Leipz. 1714. 2 t. f.*

дѣйцевъ и Чеховъ годъ (Hod) по же значить, что *prásdník, svétik*. Собственно годъ дѣлился у однихъ племенъ на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. стр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, кои имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенніе, лѣтніе, осенніе и зимніе*, распределялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, т. е. Поляковъ, Русскихъ и Малороссіянъ, одни и тѣже древніе народныя праздники нерѣдко выпадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бывающъ то позже, то раньше другихъ, носятъ на себѣ по етому различныя названія, сопровождаясь особенными обрядами. Мѣстные праздники, произшедши отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія жителей, извѣстны только отдѣльнымъ племенамъ Славянскимъ.

Коледа и Купало, какъ выше замѣчено нами, составляли два главныхъ празднества въ году, къ коимъ примыкающъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называются *Вопосе, Wáпосе* и Январь *Вопоснік*; у Румыновъ *Кречуномъ*; у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Кречунъ-вечеръ*,

а въ Венгріи Karátson. Въ Рускихъ лѣтописяхъ и Рождественскій постъ наименованъ *Корочуномъ* (172) опъ короткихъ дней, по мнѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачуноу* (173). *Корочуноеъ* камень упоминается въ началѣ Воскресенской Лѣтописи. Въ Шелонской пѣпинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачуницкій* погостъ. У Карпашо-Россовъ *Крачуноу* (Хорстъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Руская поговорка *дать Корочуноу* тоже имѣетъ значеніе, что къ *Ляду*, т. е. погубить. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумѣютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домоу: отсюда *Kóledovat*, благословлять дома. У Виндійцевъ *Koléda* нѣкогда было божество празднества, или нѣкоторыя религіозныя обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: епо называется у нихъ *kolédovati* (174). Описанное Константиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Лѣтоп. л.* 1143. „Сстояла вся осенина „дождева опъ Госпожина до Корочуна.“

(173) Библіогр. листы. *П. И. Кеппена*, 1825. No 12. въ 4.

(174) *Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhni Besédnik. sloshil A. I. Murko. v Grádzi. 1853. 2 t. 8.*

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ *to Gotziko*, бывшее на девятый день Рождества Христова, при вечерней прапезѣ Императора, принадлежить къ Славянской Еорпологиѣ; ибо подъ именемъ Готтеевъ Византийцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуесть съ Коледованьемъ и Свяшочными играми. см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Кранпца бывшіе, при Болеславѣ Храбромъ и Генрихѣ II, въ нижней Саксоніи хороводы и пѣсни безчинныя въ наведение Рождества Хр. на погоспѣ С. Магна, сходныя съ описаніемъ въ Стоглавѣ празднованія наветерія Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда за епо безчиніе и буйство прокляты были Галбершпадскіе жители священникомъ: „погда они, пишешъ Кранпцъ, безпрестанно кружась, вертѣлись (*girabantur жировали?*) день и ночь.“ Богемскій Историкъ Дубравій свидѣтельствуетъ, что Чешскій Князь Брячиславъ (Брепиславъ II), по вступленіи своемъ на престолъ, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленія, кои еще оставались отъ временъ Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чтобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщать своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами; давая знаніе Правительству о тѣхъ, которые не спанутъ лобзать сію святыню. Набожный обычай епископъ, говоритъ Дубравій; сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи; гдѣ сльиветъ *Коледою*. Это сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленые Святки, или Духовъ день, у Слованцевъ и Чеховъ называются *Turice* отъ Тура, въ честь коего онъ праздновался, у Словаковъ *Letnice*; а у Чеховъ *Swatodusné Swatki*. Карпато-Россы именуютъ Купало *Русальемъ*, которое празднуется болѣе въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубить все заповѣдныя дубравы; въ кои Чехи собирались по старому обычаю совершать языческіе обряды: Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. Сербы говорятъ доселѣ, что *Ivan dan* столь великій праздникъ въ году, что на оный и солнце при крашѣ отъ страха останавливается на небѣ (176).

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, No 21, стр. 75.

(176) Српски рѣчникъ *Вука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák Lexicon Slavicum*, VI t. Budae, 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпахъ, Судепахъ и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляють великолѣпное и порожественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марша называется Letnice, вѣроятно отъ *Летницы*, Славянской Лапоны, или Леты (*Letho*), *Ženske Letničky* — нашъ древній пролѣтній мѣсяцъ. Въ Маршѣ праздникъ замороженной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта, извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готтовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи, гдѣ Магана значить весну. Виндйцы именуютъ дни Пасхи: *Letnizchki Světki*, а Свѣтлое Воскресенье — *Létnice*, Въ Богеміи поютъ тогда:

Gíž nesm smret ze wsy,
Nové léto do wsi.

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Върнѣ здѣсь: обиліе зеленое.
Карамз. И. Г. Р. ш. I. прим. 232.

Wjtey léto lîbezne,
Obiljŕsko zelene (178).

Семень день и Бабье лѣто (Babj léto, Раусѣу) извѣстны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называется Semenná Raŕpa Maŕia, у другихъ Бабинь дни значить сѣнѣ, идущій въ Мартѣ мѣсяцъ. У Карпатской Руси названіе Бабинъ морозъ основывается на сказаніи, что Маропъ, Мартъ, заморозилъ (окаменилъ) на Полонинѣ (Альпѣ) чародѣйку бабу. Намѣкъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ Юрьевъ день (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поушру; до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Етопъ день Спашушомъ Маріи Терезіи (Urbaŕium, 1791) крестъянину назначенъ срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ бывало на Руси до XVII в., а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы, Или-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. Oloao magno, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга. изд. В. Броневскаго, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рійцы, Далматы и Черногорцы въ епоштѣ день поють молебень на колодцахъ, и, окропивъ скотъ св. водою, гонятъ его вербою въ поле, такъ какъ бываешъ въ Россіи (180). У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняеися скотъ въ ночь Юрьева дни на самой зарѣ; съ коего, по ихъ мнѣнію; прекращаеися власть вѣдьмъ надъ рогатымъ скотомъ. Опъ Юрьева до Дмипріева дни; полгода, срокъ у Булгаръ, Сербовъ и Турковъ. Въ Булгаріи, въ дни С. *Георгія*, С. *Параскевы* и С. *Архангела Михаила* приносятъ симъ святымъ въ жертву агнца, коему къ рогамъ прильпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжущъ его надъ сосудомъ пакъ; чпобы ни капли крови не попало на землю; кровью епой крестообразно мажутъ дѣшей на лбу, щекахъ и бородѣ; потомъ зажаривъ его, съ молишвою съѣдають, а кости зарывають въ землю. Тоже самое дѣлается съ нѣкоторыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

(180) Съверн. Архивъ, 1825, No 14, стр. 114, No 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было главное торжество. Въ Арконѣ, первосвященникъ вымеша наканунѣ праздника святилище храма, въ самый день торжества взявъ изъ руки у Святовидова кумира рогъ, смотрѣлъ, полонъ ли онъ виномъ, и по етому предсказывалъ будущій урожай хлѣба, и ш. д. Другіе Славяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ пшуха въ даръ богамъ и обливаніемъ скопа пивомъ, освященнымъ для предохраненія спадъ отъ болѣзней. Въ Богеміи славился *Майскій праздникъ источниковъ*. Въ Вагріи дни на роднаго суда были порою общаго веселія: тогда старѣйшины, подъ сѣнію священныхъ дубовъ, въ присутствіи бога Прове, рѣшали судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обряды весьма сходны съ Римскими, въ коихъ проявлялось глубокое благоговѣніе къ усопшимъ и вмѣстѣ нравственное чувство, какъ источники оныхъ. Сербская *Zadusni* се соотвѣтствуетъ нашей Родительской и Радуницъ: у Виндійцевъ поминки называются *Zádusní Obed*. Слово *Strawa* встрѣ-

(181) Карамз. II. Г. Р. I. стр. 100. — Pommerische Kirchenchronik, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin. 1603. 4.

чаеиша во многихъ Славянскихъ нарѣчїяхъ ; на Чешскомъ Stráwa значить: пища, шрапа, напушество. У Карпапо-Россовъ во всѣхъ Рускихъ Графствахъ Венгрии *страхоу* называется кушанье на заупокойномъ пиру или поминкахъ (*параста* отъ *παράσαβις*). Strawa, по словамъ Иорнанда, состояла въ великолѣпномъ надгробномъ пиршествѣ, на коемъ плачь и сѣпованіе смѣшивались съ веселіемъ: Карлъ Аквинскій производить Strawa, или Sdrawa, отъ Иллирійскаго слова sdrav, отсюда sdraviza, то же что здравіе (182). Чтоже касается до *Тризы*, то слово сіе происходитъ, какъ и выше замѣчено на снр. 27, отъ *терзанія*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или отъ гл. *trízō* шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ *Truzeň* прудъ, жалость. Она состояла у сѣверныхъ Славянъ въ плачь надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилою и въ питье меда. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нѣмцевъ сходною съ *Тризною* Славянъ: „по совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ, „они по языческому обычаю, дѣлали сцениче-

(182) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) Archaeologia biblica, red. a I. Iahn. ed. 2. Viennae. 1814. 8.

„скія представленія на распущіяхъ и перекресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на дѣвъ на себя разныхъ личины, играли и потѣшались.“ О признѣ въ XVI вѣкѣ упоминается въ Сподглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И пакъ, по дѣйствію *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсту самому сходствуетъ она съ *trivium* распущіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религиозные обряды (184). Какъ нѣкоторые племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ, по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: то, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнице* ведутъ свое начало отъ *Зинча*, представлятеля огня, обоготворенной, у нихъ стихіи, все очищающей и царствующей надъ стихіями; посему слова *три-Зинча* сопоставляютъ и *Тризну* и *Тризнице*. Священный же огонь, на пр. купальской, такъ вѣроятно и *тризничный*, добывался треніемъ дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣтвяхъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали ещо слово и ещѣ обрядъ въ разныхъ видахъ: то сжиганія усопшихъ, то

(184) *Mencken S. Rer. Germ. t. I. p. 2071. ср. Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 232, 236.*

гъ борьбахъ на могилахъ, по въ попойкахъ, по въ сценическихъ представлѣнiяхъ и играхъ въ память усопшихъ. *Тризнице* и *Тризна* по знаменованiю своему пождеспивенны съ *игрищемъ*, съ Греческими *Ἀγῶνες*, съ Римскими *certamina*, по изъясненiю Лексикона Памвы Берынды: „борбище, мѣспце, гдѣ бывають поединки, воiованiе.“ Такой же смыслъ имѣеть слово *сiе* въ Славянской Библии (185). —

У Сербовъ существуетъ *отмица*, или похищенiе дѣвицъ; о подобномъ обычаѣ на Руси Несторъ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вяпичи и Сѣверяне „схожахуся на игрищи, „и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кпо „свѣщаваше.“ (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣсп. Росс. Акад. 1820,) упоминается объ *укладахъ* (вкладахъ) на города, кои соспавляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно восточной десятины у Славенъ въ Щепинѣ (Штепинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Рановцевъ, въ Радогущѣ у Сырбовъ; тамъ поють, по свидѣтельству Ходаковского:

(185) *Макк.* II, 13: Бывши же пятольпному *Тризнице* въ Турѣ и пр. *Hase Griech. Alterth.* — 1818. г.

(186) Лѣтопись Несторова, по Лаврентьевскому списку. Москва. 1824, въ 4.

И дашь покормъ боговомъ ,
 И шамо боговомъ спасаемъ ,
 Дашь множествѣ обѣщи :
 Аѣ имъ глашатъ милыхъ словъ
 И имъ оружье побитыхъ враговъ.

Наши хороводы, называемые по Славянски *колами*, т. е. кругами, въ употребленіи у Морлаковъ и Далматовъ (187): такія точно пляски изображены рѣзьбою на гробницахъ въ Захлумской землѣ (въ Герцеговинѣ). Въ Богеміи, между прочими играми, встрѣчается совершенно сходная съ нашими *Жмурками* *Z'múrka*, *Zmúrki*, или *slera Baba* : отсюда и выраженіе : *Na slepu Babu* (на *Zmúrki*,) *sa hrat*, играютъ въ Жмурки, прятаться въ игрѣ. Изъ сравненія старинныхъ пѣсень Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ съ Русскими можно вывести общія имъ коренныя идеи, подъ разнообразнымъ покровомъ. Въ свадебныхъ обрядахъ и жилищескихъ праздникахъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ проявляются слѣды Язычества, во многомъ сходные съ Русскими, кромѣ различій, происшедшихъ отъ мѣстности,

(187) *Podróże w Krajach Sławiańskich odbywane w Latach 1802 i 3 roku przez X. S. (Cantara). Warszawa, 1811. вѣ 8.*

духа ихъ и вліянія сосѣдственныхъ, разноплеменныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣрованіями и нравами соединено было гостепріимство, какъ отличительная черта, проведенная въ ихъ характерѣ папріархальными временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, какъ-то у Морлаковъ, дружба между особами того и другаго пола освящается вѣрою и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *по-сестримъ*. Кровавое право мести у Морлаковъ произвело пословицу: *Ко се не осяати, онъ се не посаяти*, т. е. кто за себя не отмститъ, тотъ не посвятится (188).

Издревле Славяне, живши среди Германскихъ племенъ, и тогда превышая ихъ своею многочисленностію, мѣнялись съ ними повѣрьями и понятіями. Не смотря на политическія отношенія ихъ и другихъ, первые дѣйствовали на послѣднихъ большинствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось, что мѣны Славянскіе, подобно словамъ, объѣмчивались, такъ что божества и суевѣрія, слывшія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими*, собственно Славянскія, Аделунгъ въ Испоріи

(188) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, Сиб. 1816, № 10.

Нѣмецкаго языка говоришь, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и превратились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку сихъ послѣднихъ нѣкоторыя свойства и слова своего языка. Такъ вѣроятно Финскія племена превратились въ Рускія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Востокѣ развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: по нимъ повнѣ образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священные обряды, праздники религіозные и житейскіе и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденные въ Репрѣ, Шверинѣ, Ней-Сперлицѣ, Шпешинѣ, Волинѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, доселѣ сохраняющіяся. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули бытъ и бытіе народа, такъ что Хрістіанское ученіе долго не могло истребить пер-

(188) Библиогр. листы П. П. Кеппена. Спб. 1825. 4.

(189) L. A. Gebhard's Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten, Halle. 1790, 97. 4 B. 4.

вѣя. Поморяне въ XII вѣкѣ изъясляли желаніе покланялись старымъ божкамъ своимъ и І. Хрісту; Чехи (894—967), принявъ вѣру Хрістіанскую, покушались обратиться къ Язычеству (190). На Сѣверѣ у Рускихъ Славянъ скуднѣе была природа и жизнь народная, скуднѣе Мифологія и Еортологія, чѣмъ на Югѣ, такъ что не извѣсны были храмы и капища, замѣняемые стѣною дубравъ заповѣдныхъ и шеманемъ горъ поклонныхъ. Немногіе опечесвенные боги перенесены съ пепелищъ переселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли смѣшаться съ туземными старожилами, или опъ нихъ заимствовать цвѣты свои.

Три стихійныя имена Руси опъ огня, земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, по видимому, соотвѣтствуютъ *Перуну*, *Черно-богу* и *Бѣль-богу*. Древніе Руссы, замѣчаютъ *Еверсь*, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ обыкновенно называли первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, производное — *чернымъ*, первымъ также свободное, другимъ рабское. Въ епой трехъцвѣтной Руси донынѣ остались болѣе или менѣе

(190) Исторія Рускаго народа, *Н. Полеваго*, М. т. I, 1829. 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Язычества въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣріяхъ, въ пропонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названія урочищъ, рѣкъ и лѣсовъ, нравъ и цвѣтовъ и пѣлъ небесныхъ напоминають о древнихъ мифахъ и сѣмволахъ.

Идея о красномъ, русомъ, черномъ есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мірѣ, гдѣ многіе предметы чувственные и опвлеченные оплечены симъ цѣпкомъ народнымъ. *Червенная* или *красная Русь*, или какъ жилили оной называютъ, *твердая Русь*, содержишь въ себѣ Русаковъ опъ Вислы на Боспокъ до Синяго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣстоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученія и богослуженія, опкуда онѣ распространились на Западъ и на Востокъ Россіи, копорая владыла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владиміръ собралъ седмерицу боговъ въ Кіевѣ, состоявшемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хотя она переходила изъ рукъ въ руки опъ Рускихъ къ Венграмъ и опъ нихъ къ Полякамъ, а опъ сихъ послѣднихъ

(191) Предварительныя криптическія изслѣдованія Г. Еверса для Росс. Исторіи. М. кн. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ; однако доселѣ сохранила свою самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ. Въ Галиціи почти тѣ же мѣны, чѣмъ и въ Малороссіи. Вѣроятно и Перунъ, символъ огня, происходящій отъ Чешскаго слова *Pígení*, красноша, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ вмѣстѣ съ Ладомъ и Русалками (192) изъ Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ равно опшуда перешло на Сѣверо-востокъ Россіи повѣрье и названіе *красныхъ, червонныхъ и лысыхъ горокъ*; въ Богеміи извѣстны въ городкѣ Берунскѣ *Krásná hora*, въ Венгріи мѣспечко и городъ *Krásna hora* (*Schönberg*). Подъ именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Лодомиріи и Венгріи *жалыники*, кои почипаются за языческія кладбища. Въ Номоканонѣ, изданномъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ первый разъ *Купало* и *Русалки*. Мѣны о *Волколакахъ* и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ преданіями жишелей Липвы и Волыни.

Черная Русь, между Припечью, Пиною и Сырпечью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго и повѣтовъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

(192) Отъ *Лидо* произошли многія названія мѣстъ: *Лидога*, *Лидомирія* и ш. д. У Чеховъ Рѣка *Lada* прекрасная дѣвица.

Рѣчицкаго, по смежности своей съ Червонною, представляющъ многіе мѣобы, обычаи и повѣрья, сходныя съ Красногорскими и Волынскими. Въ божествахъ Язычества заключающіяся идеи внѣшней и внутренней жизни житейской и другой стороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и топкими болотами. Тамъ *Купало*, или *Купайло*, и *Коледа* (Риздво) воспѣваются въ пѣсняхъ, сопровождаясь первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гадаціями: колядники именовались *Лалышиками*. Въ Новый годъ (Новый рокъ), такъ какъ въ Малороссіи, дѣти ходятъ по домамъ поздравляющъ господъ и обсыпая ихъ зернами пшеницы и жита, особливо горохомъ. Игрище называется *стадомъ*, какъ въ Литвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣстна на Украинѣ, Подольи и Волынѣ: тамъ въ Ивановъ день, по захожденіи солнца, собираются дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, копорую вщыкаютъ въ землю. Около еяго дерева, сѣдущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходятъ, схватывая руку за руку и поютъ жалобныя пѣсни въ честь Купайла. Послѣ нѣкотораго времени, холостые, спящіе въ споронѣ, бросающіяся, уносятъ и разрывающъ вербу, защищаемую дѣвицами, и

пѣмъ оканчивается епопѣ обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестомъ Липовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ* (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрьевичи дѣвицы пляшутъ на игрищахъ во всю Свѣшлую недѣлю панецъ *Метелицу* и *Запѣйницу*. Въ Юрьевъ день, или такъ называемая *обѣдная*, въ Минской г. свящаютъ хлѣбъ: тамъ же *Борисо - Глѣбскій* праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *Паликона*, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у пѣхъ, кто работаетъ въ епопѣ день, соопѣвѣствующій Малороссійскому *Палетѣ*, или *С. Пантелеймону*. *Проводами* у нихъ называется вся недѣля послѣ Свѣшлаго Воскресенія, которую они проводятъ въ пьянствѣ, подобно *Запускамъ* (194). Въ Черной Руси, на Волынѣ и Подолѣ празднуется день основанія церкви (*празныки*) угощеніемъ посѣпшителей изъ сѣднихъ деревень, и разными весельями. Каждая церковь, однажды въ годъ, для своего праздника варитъ медъ съ пряными кореньями, продаваемый опѣ нея поселянамъ.

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824, No 3 и 4.

(194) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершаются меньшіе и большіе Осенины, или Дѣды, къ коимъ присоединить должно Прикладыны, или окладываніе могилوکъ дерномъ, которое сопровождается служеніемъ панихидъ, попойкою, гуляньемъ и музыкою. Изъ земледѣльческихъ праздниковъ также извѣстны, какъ и въ Липвѣ, *Дожинки*, кои отправляющіяся во всякой деревнѣ по окончаніи жатвы жита и пшеницы, а послѣ посѣва, *Достыки*; при епомъ случаѣ господинъ угощаетъ крестьянъ своихъ, которые проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскѣ.

Въ свадебныхъ, родильныхъ, именинныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще слѣды Язычества и кореннаго суевѣрія, кои сроднились съ ихъ бытомъ.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ воеводствъ Минскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Вишневскаго и Смоленскаго, представляетъ множество повѣрій и обычаевъ, похожихъ на Липовскія и Польскія, коихъ она была проводникомъ въ Великую Россію. Тамъ многія урочища напроминають своими именами Славяно - Рускія божества (195) и обряды

(195) на пр: *Піоруново* въ Полоцкомъ повѣтъ при озерѣ *Щепилнемъ*.

Язычества, какіе проявляются въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразились неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ въ-рожденіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и житейскихъ служатъ доказательствомъ единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Русіи встрѣчаются многіе одинаковые съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кроме особенныхъ, на коихъ оппечатались мѣстность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хотя народъ Бѣлорусскій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія міѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хлѣвинкамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), прису-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, № 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникѣ мірскомъ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же иная волхвованія, яже в велицѣй Россіи, оное убо звѣрски рыкаши шворятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скопски вѣлко и ппическимъ гласы и пѣснями мучишися“ и пр.

ствію злыхъ духовъ на мѣльницахъ, въ баняхъ и пуспыхъ жилищахъ. *Купало*, извѣстное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣки Сана, повпоряеся также въ Бѣлорусіи и на Западъ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи (198).

Годовые церковные праздники, въ Бѣлой Руси, какъ-то: Рождество Хріста и Богоматери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богоматери, С. Іоанна Предпечи (24 Іюня), Бориса и Глѣба и пр., сопровождаются такимижъ почти обрядами и играми у просполудинновъ, какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Срѣщенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею*, Успеніе Богоматери — *большою Пречистою*, Рождество Богородицы — *малою Пречистою*, или первое — *Госпожею*, второе — *Госпожскою*, С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ*. см. сир. 95. День, предшествующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою*, которая есть *Васильева*, или *богатая*, наканунѣ Нового года, и *крещенская*, или *постная*, на канунѣ Богоявленія.

(198) Исторія Малой Россіи *Д. Н. Бантыш-Каменскаго*, ч. 2. Москва. 1830. 8.

У просшаго народа праздникъ Рождества Хрістова почищается первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведетъ начало года въ разныхъ условіяхъ. О Святой недѣлѣ поюмъ такъ называемыя великоденныя пѣсни съ музыкою, ходя по домамъ ночью подъ окнами ваплагами, кои именуются *Волочebниками*, а предводитель ихъ, или запѣвалъ — *Починальникомъ*. Они первую пѣснь обращаютъ къ хозяину и хозяйкѣ, прославляя благоразумное ихъ домо-спроишельство, обиліе и благодаць Божію, упоминаютъ, что *Святой Юрій* запасаетъ ихъ коровъ, *Святый Николай* коней, *Св. Ілія* зажинаетъ жниво, *Пречистая Мать* засываетъ, а *Покровъ* собираетъ и ш. д. Послѣ всякой спрофы припѣваютъ *Хрістоу* *воскресе!* Въ Бѣлоруссіи, такъ какъ и въ Болгаріи, зарывають въ землю на поляхъ коспи ягненка, освященнаго на Пасху, въ шой вѣрѣ, что онъ предохраняють засѣянный хлѣбъ отъ града. Послѣ проводной недѣли, во вторникъ на кладбищѣ совершается *Радунница*, сопровождаемая причитаньемъ, пиршествомъ и кашаньемъ яицъ на могилкахъ, на кои иногда дѣлаются возліянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. *Юрьевъ* день весенній въ Бѣлоруссіи есть праздникъ пастуховъ, которые выгоняють скотъ верьбою на *Юрьеву* росу; а *Николинъ* день весенній праздникъ

конюховъ , которые тогда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляютъ. Последнимъ весеннимъ праздникомъ почитается *Троицынъ день* ; въ который жители украшаютъ свои дома *Маемъ*, а паспущки вѣнки на рога у коровъ. На епой недѣль, слывающей шамъ *Разгарю* , завиваютъ вѣнки съ пѣснею :

Русалочки , земляночки ,
На дубъ лезли , кору грызли ,
Звалилися , забилися.

Тройца.

Развивъ вѣнки, бросають ихъ въ воду, для гаданія о судьбѣ своей , съ пѣснею:

На Тройцу мы вѣнки завили ,
На разгары развили ,
Горѣлочку попили
И ликню поѣли (199).

Изъ лѣпниихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Іоанна Крестителя ; тогда носятъ въ церковь правы и цвѣты для освященія. Недѣля, предшествующая сему празднику, называется *Русальною* ; въ

(199) Gry i zabawy różnych stanów, p. L. Gołkowski. w Warszawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкошорыхъ мѣстахъ собираюшся въ поле при зажженныхъ кострахъ пѣть купальныя пѣсни, какъ и въ другихъ обласняхъ Россіи: пѣже тамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Пепиринымъ днемъ на Бѣлой Руси *разыгрываются навозныя толоки.*

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинается торжественно посѣвъ, хопя Бѣлорусцы счишаютъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда лето, а послѣ обѣда осень.*

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ проспаго народа супъ *Игрища*, на кои онъ собирается по шинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, такъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ отправляюшся *Кермаши*, соединенные съ угощеніемъ и весельями. Когда же почешные прихожане хопяшъ почшишъ складчиной праздникъ какого либо святаго: ёшо называется *Братчиной*, коихъ собшвенно двѣ: *Михайловская* и *Никольская*. Брашцики на свои издержки приготавлиють большую свѣчу къ празднику, поютъ молебень и дѣлають угощеніе. Брашчины, часшо упоминаемыя въ монастырскихъ грамотахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія : нерѣдко совершались на погоспахъ, какъ видно изъ Двинской грамопы Царя Іоанна Васильевича. Онѣ отправляющіяся болѣе осенью, такъ какъ свадьбы, большія и меньшія Осенины, или поминки, Окладыны. Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время Толокъ, Обжинокъ, Запашекъ, Увозокъ и пр.; то число общественныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительнымъ (201).

(200) Исторія Росс. Іерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Егда убо быхъ в Польскомъ и Липовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ тѣхъ Хрістіанехъ, яже суть Бѣлорусцы в нихъ нарицаются. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа о женою и у господина с рабы, вѣры три или чешыре : и ови держить в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папешскую, і инъ Люторскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой прашеѣ ѣдаятъ и піютъ и бракомъ совокупляющіяся, а иніи вкупѣ и молитву творять“. *Книга глаголемая Потребникъ мірской*. М. 1639. въ л.

Хотя югозападная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Липвою; однако она удержала въ нѣдрахъ своихъ много кореннаго, самобытнаго, отъ коего отличается чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ мащерики. Сколько памѣ ни изглаживалась народность Татарами, Липвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей растеніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя стихіи нашего отечества, пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благораспоренный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣтущихъ полей и луговъ, веселые лѣса кленовые, пополевые и дубовые съ плодovitыми деревьями, пріятнѣе возбуждали фантазію народа, по природѣ безпечнаго и гульливаго; родили многіе мѣны;

(202) Путевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналъ Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Іюнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрывается душа Малороссіянина. Оспашки Украинской Мифологіи сохранились въ мифическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и Слово о полку Игоревѣ, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: Бѣль-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ (203), Сильный-богъ, Коляда, Купало, Дажь-богъ, Ладѣ, Туръ, Лелѣ, Полелѣ, Марана, Дивъ (204), Злота - Баба и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ таинственный мракъ лѣсовъ дремучихъ и п. д. (205). Въ мифическихъ сказкахъ главныя дѣйствующія лица: бисы, водяные, лѣшіе, мавки,

(203) Ученыя записки И. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4, статья: Взглядъ на памятники Украинской народной поэзіи, соч. И. Срезневскаго.

(204) Дивъ на Польскомъ Dziw диво, диво, чудище. Въ No 7 Библиогр. листовъ, на стр. 88: Овѣ Дію жретъ, а други Дивии.

(205) Стри-богъ, Дажь-богъ и Велесъ упоминаются въ Игровой пѣсни — вѣроятно, произведеніи южнаго края Россіи. Боянь пѣвецъ называется внукомъ Велесовымъ, вѣпры — Стрибожыми внуками. Слово внуки (nepotes) употребляется вмѣсто попомковъ, опраслей. см. Virgilii Aen. v. 682, 757, 787.

русалки, вѣдьмы, вѣдьмаки, великаны, змѣи и ш. д. Въ Украинѣ также между злыми духами есть *Рарашекъ*, копорый находилъся у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ есть и поговорка: *сердитъ какъ Рарашекъ*. Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось мѣсто, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкоторые изъ нихъ мѣстные, болѣе похожіе на западные; иные соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣстны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ опличными отъ Велико-россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, до обѣдни, дѣти ходятъ по домамъ *виривать*, ш. е. говорятъ поздравительные стихи, обыкновенно сочиняемые дѣтками (206), несятъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертелы*, родъ маріонетокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунъ Нового года, холостые мужчины ходятъ по дворамъ *зажигочныхъ* подъ окна *щѣдровать*, ш. е. выпрашивать пироговъ, кишекъ, куски сала свиного и ш. д. Въ Новый годъ, предъ (206) Малороссійскія пѣсни, изд. М. Максимовичемъ. Москва. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчишки ходящъ по дворамъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпающъ въ хапахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лито, роди, Боже, жито, пшеницю и всяку пшеницю* (207)! Они также поющъ *посыпальную пѣсню*:

Ходишъ Илья
 На Василья,
 Носишъ пугу
 Жипяную,
 Дѣ замахне —
 Жито росте,
 Роди, Боже!
 Жито, пшеницю,
 Всяку пшеницю;
 У полѣ ядро,
 А въ домѣ добро! —

Такое *Колдованье* продолжается отъ Рождества Хрістова до *Щедрованья*. Маркевичъ въ запискахъ своихъ о Малороссіи ссылается на старинную пѣснь Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повторылось: *Славенъ еси, Коledo, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

(207) *Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантыш-Каменскаго. ч. 2. Москва. 1830. 8.*

минаеть сочинишель Синописиса, была извѣстна въ Украинѣ еще за придцать лѣтъ и донынѣ. Въ Махновскомъ уѣздѣ (повѣсть) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, шакъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барана, вводятъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорятъ ему привѣщспвіе, на которое онъ ошвѣчаеть угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаеть первый Гизель въ своемъ Синописисѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольпиджи *Купало* объясняется *купълюю*, по Польски *carpiel*. Гизель шакъ описываетъ сіе игрище: „Пяшый идолъ Купало, егоже бога плодовъ „земныхъ быши мняху, и ему прелеспию „бѣсовскою омраченніи благодаренія и жерпвы „въ началъ жнивѣ приношаху. Тогожде Купала бога, или истиннѣе бѣса, и досель по „нѣкимъ справамъ Россійскимъ еще память „держипся; наипаче же въ навечеріи Рождесипва Св. Іоанна Крестпителя, собравшися „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагають на главу и „опоясуются ими. Еще же на томъ бѣсовскомъ игралищи кладуть и огонь, и окрестъ „его емшися за руцѣ, нечеспиво ходятъ и „скачуть, и нѣсни поють, сквернаго Купала

„часто повторяюще и чрезъ огонь преска-
„чуще, самыхъ себе тому же бѣсу Купалѣ
„въ жертву приносятъ.“ Подобнымъ обра-
зомъ описывается Купало у С. Димитрія Ро-
стовскаго въ Чешьхъ Миней. Въ Махновскомъ
повѣсть, сходно съ Чернорусцами и Бѣлорус-
цами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ
землю дерево, украшенное вѣнками подъ име-
немъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ.
Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ
тогда поютъ :

У Пана Ивана посередь двора

Стояла верба ,

На вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала ,

Озеро спало :

Въ озерѣ самъ богъ купался

Съ дѣшками , судѣшками.

Въ Малороссіи, на канунъ сего праздни-
ка, молодые люди обоого пола купаются въ
рѣкахъ до захожденія солнца, въ сумерки, по-
томъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на
полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась
рука объ руку, перепрыгиваютъ черезъ огонь.
Если во время перепрыгиванія руки не разой-
дутся: это означаетъ, что епта пара сово-
купится бракомъ. Подобно какъ на Карпатяхъ и

Судепахъ, молодежь препоясавшись цѣпными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цѣшмовъ и шравъ благовонныхъ, составляющъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи есть остатокъ *Мараны*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ кличутъ, или закликаютъ, весну. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшутъ съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣлаго въ женское платье. Въ Украинѣ дѣти, нося въ рукахъ ласпочку, сдѣланную изъ дерева, ходятъ изъ дому въ домъ славятъ весну (219). Пѣсни же называющіяся *веснянками*; ихъ поютъ дѣвушки, собираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоетъ овсянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радунцы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжаются

(208) Опытъ крашкого повѣствованія о древностяхъ Хрістіанскихъ; собрано Пропоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гильдича*. Слб. 1825. въ 8.

при дни, отъ понедѣльника до среды Ооминой недѣли. Тогда приносятъ на могилки родительскія всякаго рода кушанье (*страву*) и яицы, кои шамъ капають до Юрьева дни. Поминки, или *проводы*, сопровождаются попойками при церквяхъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ епопъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *бабскаго*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется зеленою, клечальною отъ клѣчанья, или Мая (210), ш. е. зеленыхъ вѣшвей, Зелеными святками, а въ древности Русальною (211). Около Стародуба еша седмица слыветъ Греною, пѣсни — *гренухами*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, что у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ копорый у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородъ Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе *родникъ Ярославовъ*, впадающій въ Десну;

(210) Въ Лютеровомъ переводѣ Библии, III кн. Моисеевой, 23, ш. 44: *Schmücket das Fest mit Mayen* (вѣшьями древа).

(211) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим. 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубъ епой криницы, на разсвѣщъ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидящъ *Криницы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ разчесываютъ. Сии *Криницы* суть Русалки, кои по названію своему отъ *криницы*, или *ручья*, и отъ *рука*, ложа рѣчнаго, представляють одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Славянскоѣ рукописи XI вѣка, что „рѣки на-рицались богини и звѣри, живущіе въ нихъ „почишаемы были богами, коимъ приносились пребы.“ — Огни, видимые на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселянъ, разводятся Днѣпровскими Русалками, чтобы привѣстнымъ свѣтомъ заманить спранниковъ къ крупизнамъ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснѣ Русалка загадываетъ загадку: *Ой щъ росте безъ кореня?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ кореня*. Вообще Украинцы думаютъ, будто въ Русалокъ, или Мавокъ, превращаются дѣти, умершія

(212) Отечественныя записки П. С. Спб. 1828, Апрель.

(213) Одесскій Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будто злые духи похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться только въ день Сошествія Св. Духа и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ хоронящъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣствѣ подь фигурую (кресномъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію, души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просящъ себѣ крещенія при разѣ. Если кто услышишь ещѣ зовъ и подасъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещая Иванъ и Марья со имя Отца и Сына и Святаго Духа*; тогда сіи души возьмутся Ангелами; а въ противномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынъ днѣ бѣгающъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поющъ, хохотущъ, хлопающъ въ ладоши и мяукаютъ на подобіе кошекъ: отъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клепальную субботу* на-канунъ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричащъ: *Бухъ, бухъ! соломенный духъ! мене мати народила, некрещену положила*. Въ *Горобинья* (воробьиныя) ночи бывающъ *свадьбы и танцы Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827. въ 16.

не купаюся въ рѣкахъ и не ходящъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чѣобы *Мавки* не защекотали (залоскопали) или не закачали. Мушны и женщины наканунѣ ешихъ дней запасаются зорею и полынью, какъ предохранительными средствами противъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносятъ въ церковь оханку зори, калуфера, мяшны и кадила (*chamaeritys*), которая связывается веревкою, а въ срединѣ спавишся пройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіе обѣдни: шправы сіи храняшся дома для лѣченія опъ разныхъ болѣзней, а пройная свѣча даешся въ руки умирающему при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни почно праздники духовъ: впрочемъ шамъ шакже завиваюшъ и развиваюшъ вѣнки въ Троицкую недѣлю, на коей поюшъ:

Ой завью вѣнки, да на всѣ свѣшкы!

Ой на всѣ свѣшкы, на всѣ праздничкы,
Да рано, рано на всѣ праздничкы!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

(215) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія ; въ сію-шо ночь они собирають въдемскія sprawy, снимають съ неба звѣзды и держать ихъ въ кувшинахъ на погребяхъ : въ Малороссіи также вѣряють , что кому посчастливилося сорвать цвѣтъ папоротья (папоротника , кочедыжника) въ Иванову ночь , шопъ найдець кладъ.

Какъ въ Бѣлоруссіи , Гродненской и Виленской Губерніяхъ , Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почищается праздникомъ *Паликоны*, такъ на Волинѣ *Pantáleona Męcenika*, а въ Малороссіи день *Палеля*, т. е. Св. Пантѣлеймона : епошь день проводится въ праздности изъ опасенія, чшобы 'за нарушение оной не спалились молніею копны хлѣба и сноги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабыно лѣто*, которое въ Богеміи, по свидѣтельству Юнгманова Словаря , называется также *Rawicj léto*, паупинное лѣто , опъ коего и поговорка : *Babj léto lĵta*, бабье лѣто лепашеть. см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *женить Семена* значить у ремесленниковъ : начинать работать при свѣчахъ вечера съ *Семена дни*.

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній, такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября); ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на злыхъ врагахъ установленъ въ

Кіевъ въ подражаніе Греческому. Тамъ упошребительнъ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тыбѣ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бывають также земледѣльческія празднества: *Дожынки*, послѣдній день жатвы, *Оборки*, оспальный день оранія, *Досѣвки*, послѣдній день сѣянія, и *Толоки* съ играми и забобонами. *Масляница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не катающа на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называется шопъ день, въ копорый заложена церковь: онъ опправляется прихожанами съ большимъ шоржеспвомъ, лѣпомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На етомъ праздникѣ, слывущемъ и шамъ *канонѣмъ*, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареный. *Вечерницами* и *Досѣтками* въ Малороссіи называются сходбища въ одну хашу въ осеніе и зимніе вечера; шамъ работаютъ, поютъ, играютъ, *жартуютъ* (шутятъ) и *женихаются*.

(216) Рускіе въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.

(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ епомъ сочиненіи только простонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣтимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстныя, произпекшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности туземцевъ, которые вѣроянно чествовали свои опечесивенныя божества, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волюсь и ш. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣстные подъ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, перѣдко соединяюся съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, отправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подъ именемъ *Коледы* въ Чѣрмной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаньемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа воспоминается на Поволжѣ; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новгорода* и пр.; что свидѣтельствуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Іоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уѣздѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою воспѣвается *Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Свяшкахъ ребяпишки слѣдующею пѣсней напоминають западный праздникъ *трехъ Королей*:

Двоимъ, проимъ,

Давно споимъ:

Пожалуйте копыщце;

Вамъ спасенье,

Намъ прибыльвѣ.

Пожалуйте *Королю* и т. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1 го Января бываетъ *застѣвъ*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ съять изъ рукавицы зерны хлѣба ярового, кой собираются спарухами и берегутся до посѣва осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугѣ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ сіе игрище подъ названіемъ *Коккуя*, см. выше стр. 90. Въ старой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣтельству Ходаковского, епо купальскіе ликованіе ежегодно совершаются въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева обѣ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Баттышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ иной споронѣ *жисымѣ* огнемъ, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславль-Залѣскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по проспорѣчю Купальницы, слыветъ въ народѣ *Купальницею*. *Пванъ Купало*; празднуемый отъ Днѣпра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Костромской Г. недѣли съ Божоявленія ева дня до Масляницы у крестьянъ, называющіяся *свадебными*; попому что они всегда около етого времени играютъ свадьбы. Отъ етого же върояпно и Февраль въ лѣтописяхъ означенъ *Свадьбами* (219).

Красная горка, споль извѣстная въ Великой Россіи и по празднеству оной въ определенное время и по многимъ урочищамъ, означаетъ мѣсто и время: въ Смоленской Г. именуется *Толпищемъ*, и напоминаетъ древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гулянье на Святой недѣлѣ; въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почитается временемъ свадебъ и сопровождаема бываетъ *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей части, начинаютъ *играть въ*

(219) Карамз. И. Г. Р. V, прим. 222, 386.

зорьки, а когда стануть распускаются листья на деревьях — играть хороводами. Семихъ, или семицкѣй чепвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и завиванія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется Поляною отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ витязей *бѣлоризцевъ* (220). Позорищемъ Семика бываетъ кладбище и роца. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Костромѣ и Твери подъ именемъ *Ярилы*, въ Нерехтѣ — *Кошюковки*, а въ Ярославлѣ — *Солонины*. — *Бабье лѣто* въ однихъ мѣстахъ начинающъ съ 1го Сентября, или Семена дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слышеть въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ *Пасиковымъ* днемъ отъ уборки ульевъ, въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ *Луковымъ* днемъ отъ сниманія съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовымъ* и *Спосовымъ*, вѣроятно, отъ *Спаса* или отъ другаго неизвѣстнаго доселѣ слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подъ Великъ день жилили *заклинають* морозъ, губителя овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно; говоритъ:

Морозъ, морозъ!

Приходи кисель ѣсть.

(220) Вѣстникъ Европы, 1814, № 14.

Морозъ , морозъ !
Не бей нашъ овесъ ,
Ленъ , да конопли
Въ землю вколопи !

Окончивъ такія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачивается его водою спаршая изъ женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской Г. послѣднее воскресенье , называемое тамъ *прощальнымъ* , а въ Сибири *Цѣловникомъ* , молодежь проводитъ въ капаньи по улицъ, одѣляетъ пряниками окликальщиковъ , которые носятъ въ рукахъ вѣтви еловаго дерева. Это окликанье и вѣтвь означаютъ богатую и роскошную жизнь; ель ставятъ также на дворъ у хозяевъ , которые еще болѣе угощаютъ окликальщиковъ , приглашающихъ : *О Лелѣ ! О Лелѣ ! Прощальнымъ* , или *Цѣловникомъ* Воскресенье это названо потому , что предъ наступленіемъ Великаго поста цѣлуются со всеми въ знакъ Хрістіанскаго примиренія и ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками. Тамъ же въ Оомину недѣлю , именующую *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта , распѣвая подъ окнами : *Юница , молодица , подай лицо въ перепечу !*

Тогда подаютъ парнямъ вино , пиво , ладышки , казанки , а дѣвкамъ пряники и красныя яица. Епосъ *Юнецъ* или *Вьюнецъ* упоминается въ 25 вопросѣ Споголава : „и на Радоницѣ „Вьюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свистопляски*, который совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подѣ предводителѣствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Устюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячъ (221). Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день *Свистопляски* продаются разныя закуски и дѣлаемыя нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свистки и шарики, коими бросаютъ другъ въ друга, спаваясь по обѣ стороны рва, и свистятъ. *Липовская Swistoplaska* описана въ *Виленскомъ Дневникѣ*. — Въ верстахъ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ есть въ лѣсу на полянѣ могила воина Аники, на которую прохожіе кидаютъ сломленные вѣтки деревь. Отъ

(221) Записка Преосвящ. Кирилла, бывшаго Епископа Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго.

епого тамъ накопляется большой ворохъ , который сжигается въ одинъ лѣтній день со бравшимся народомъ. На епомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ , въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи , бываетъ народный праздникъ *Маргосте* , во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на мешкѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ. , въ епожъ время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ крещеніе кукушекъ , которое состоитъ въ томъ , что въ роцѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на ппичку кукушку или на правку погожъ имени , кладутъ ихъ на разостланный плапокъ , садятся вокругъ его , мѣняются крестами своими , цѣлуются и съ прочими подругами ѣдятъ яшницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ , въ *Савинѣ* городкѣ , въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ , а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ , въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для погребенія *Костромы* , во Владимірѣ для погребенія *Лады* , а въ Твери недавно прекратился праздникъ погребенія *Ярила* , совершавшійся 24 го Іюня близъ Трехъ-свящскаго сада.

Въ епомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Пешрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кои продолжаются по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водяшъ хороводы змѣйкою, держась за конецъ плапка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбираютъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладуть ее на доску, на коей несуть ее на рѣку, гдѣ сложивъ ее, купаютъ другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращаются, домой и, нарядясь, выходятъ на улицу играть въ хороводы до вечера. Сія мнѣическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, строивали жилища села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласитъ преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣтшвъ и душистой зелени — внутри спали на возвышенномъ мѣстѣ болвана изъ

дерева или соломы, одѣшаго въ богатое мужское и женское платье. Около шалаша собирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали сколько душъ было угодно. Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго состоянія, на Троицынъ день собирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать вѣнки*, а на другой день сходились *развивать*. Обыкновенный приѣвъ въ пѣсняхъ при епомъ праздникѣ, или лучше сказанъ, съ самаго открытія весны до 25 Іюня, есть: *Ладо, диди и Ладо*. Въ Орловской Г. есть обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое состоитъ въ томъ, что готовится одинъ общій каравай для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣтовъ, съ коими стояли обѣдно и вечерню въ Троицынъ день, обмешаютъ молитвы родительскія; епо называется: *глаза у родителей прощать*. — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣньемъ Пепрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь Яри-

ла, копорый, по словам сего Архипастыря, „въ сихъ странахъ за бога почиаемъ „быль, пока еще не было тамъ Хрістіанскаго благочеснія.“ Епо игрище соединялось съ плясками и пированьемъ, также съ кулачными боями, на коихъ случались и смертоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣнѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. весной народъ около Петрова дни спекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называющіяся *Баши* и *Башиха*; одни ихъ почитаютъ за мужчину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бывалъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключъ* (223), начинаемый водосвятиемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предается онъ забвенію.

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. *Митрополита Кіевскаго Евгенія*. изд. 2. М. 1820, въ 8.

(223) Сѣверная Пчела. 1827, № 24.

У нынѣшней Мордвы, потомковъ Ростовской Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордовою во время крещенія земли Ростовской, донынѣ лѣпомъ совершается языческій праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Вель - Оскъ*; а близъ Нерехты, также Мерянского поселенія, среди рѣки Нерехты лежишь чудный камень, похожій на большую бочку съ обручами. Простолюдины вѣряшъ, что кто оскѣлился брашъ воду близъ епшого камня, тотъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Меря поклонялась Велесу подъ видомъ камня; по сіе даешъ поводъ почитать епшотъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскъ и Верховажъ, начиная отъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходяшъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, со звѣздою, которая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хожденіе съ такою звѣздой и пѣніе *виноградья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабье лѣто, въ Серпуховѣ на полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ торжественно хороняшъ мужъ въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женихи смотряшъ себѣ невѣстъ: что бываетъ

и въ другіе праздники и ш. д. см. снр. 32. Въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Хрістовымъ, совершались обрядъ *Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю обрядъ *хожденія на ослати*, а 1 Сентября чинъ *лѣтнoproвожденія*.

Въ Осташковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывилъскѣ сборища двѣицъ на веселье называющіяся *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; потому что день С. Параскевы, 28 Октября, временно приходится въ пятокъ. Въ Кинешемскомъ округѣ торжествуется *Обжорная Суббота*, а въ Бувескомъ *Обжорная Пятница*, на претвѣей недѣлѣ Великаго поста, когда зятѣя пшестей и пшестей угощаютъ киселемъ съ масломъ, который привозится сюда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Ватъ простой народъ ежегодно отправляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Петрова поста *Девятой Пятницы*, или въ честь С. Параскевы, нареченной *Пятницы*, особенно у

древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья; куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе; сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни составляютъ два круга, кои постоянно нѣсколько времени въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, потомъ сходясь вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чету дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Эта игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обыченскомъ, въ *Ильинъ день*, по свидѣтельству Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коней съдаютъ всемъ міромъ (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепріимствомъ и весельемъ, которое продолжается обыкновенно три дни. Около Галіяча и Буя, на монастырь, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашицей, варенымъ мясомъ и пивомъ; это

(226) *И. Лепехина Дневныя Записки*. Спб. 1768 — 69. ч. I. въ 8.

пamъ называется: *угощаться у праздника*. Самая поговорка на нашей улицѣ *праздникъ*, выражаетъ всю полноту удовольствія и шоржеспво, какое доставляетъ поселянину его праздникъ, приносящій ему отдыхъ отъ трудогъ, разгулъ и веселье въ жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь разлившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: по, вѣроятно, оппкроепся еще болѣе мѣстныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, опплившійся пamъ въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подптверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норевъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай*; *что подворье, то поспрье*.

Въ этомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсматриваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ оппносящимися къ нему пѣснями.

§ 6. По оппношенію къ мѣсту, народные праздники также могутъ быть раздѣлены на *сельскіе* и *городскіе*. Въ Древности,

въ эпоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка, при постепенномъ переходѣ Языческаго къ Хрістіанской вѣрѣ въ Россіи; они спали разнись своимъ содержаніемъ и цѣлю, кои измѣнялись въ эпохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды изшедши изъ внутренней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общества, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженные съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ опечеченнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главныя потребности жизни. Поэтому вѣроятно, что селы имѣли свои средопочія, гдѣ бывали *пребища*, *мольбища*, *игрища*, *призница*. *Погосты* и *городища* составляли такое средопочіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, собирались *мужи* и *жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

и другихъ предполагаетъ сношеніе между епими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вяпичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя, „умыкаху жены себѣ, с пѣю „же кпо совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляюся на двѣ спороны, изъ коихъ каждая поетъ попеременно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ* ею коней (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жертвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владиміръ Іи торжественной кляпвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминающъ о *позорахъ*, *игрищахъ*, *русальяхъ* и *тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

4 Когда жъ Хрістіанская вѣра съ X вѣка стала вытѣснятъ изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда шамъ съ переменною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и капанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между тѣмъ древнія повѣрья и завѣсные обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ приютахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ вародноспію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцестояніе, прилепаніе и оплешаніе пшпицъ, разверпываніе и паденіе липсьевъ древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праопеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣсныхъ обычаевъ почипалось у простолюдиновъ преступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напасть: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимостію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Хрістіанскую эпоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о шоржеспвахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірь І въ Язычесівъ и Хрістіанствѣ упоминають лѣтописи наши и старинныя пѣсни :

Во славномъ городѣ Кіевѣ ,
У Князя у Владиміра ,
У солнышка Свяпославича ,
Было пированіе почетное ,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Боярь ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей ,
Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владимірь , по сказанію Макарьевской Миней , „памяши „святыхъ въ церквахъ шворяше пѣніемъ и „молишвами , и праздноваше свѣтло праздники господскія : и при прапезы поспавляше , первую Митрополішу съ Епископы , „и съ черноризцы и съ поцы , вшорую нищимъ и убогимъ , претью себѣ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.“ Великій Князь Владимірьскій Константинъ Георгіевичъ , по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба , сотворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милоспыню. Изъ Печерскаго Патерика видно , что брашя Печерскаго монастыря вкушали прапезу въ

обишели Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и обѣдали съ боярами въ Вышгородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ учрежденіе велие. Князья Святославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Θεодосія на обѣдъ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Истории Россійской Іерархіи. Со временъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успенія Богоматери донынѣ дается въ Крестовой палатѣ обѣдъ, слывущій Царскимъ. Въ Древности Государи и вельможи шворили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались услады воздержанія и приличія, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна: „Иже в манасшырехъ часпо пиры шворяшъ, „сзываетъ мужа вкупѣ и жены, и в пѣхъ „пирѣхъ другъ другу преспѣвають, кто лучи „шворитъ пирь. И оже сихъ шворяшъ и собѣ

(228) Карамз. И. Г. Р. III, прим. 80.

(229) *Constantini porph. de cerimoniis aulae Byzantinae*, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Визліоѣика. ч. VI.

„иже с ними пьютъ черенци и съ чернѣхъ,
„погубляюхъ, и мнѣхъ, что добро шворахъ
„нищелюбіа (230)“.

Древняя Исторія свидѣтельствуетъ намъ,
что Государи, по случаю знаменитыхъ по-
бѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и дру-
гихъ великихъ событій, дѣлали народу празд-
нества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при
шоржественномъ перенесеніи ківоша во градъ,
„раздалъ ошъ мужа даже до жены коемуждо по
„укруху хлѣба печенаго и по часпи печенаго
„мяса и по сковрадному млину (231)“.

Въ опечественныхъ лѣтописяхъ встрѣ-
чающіяся примѣры народныхъ обѣдовъ, ка-
кіе давали Великіе Князья. В. К. Влади-
миръ I далъ народу свѣплый праздникъ
послѣ спасенія своего ошъ Печенѣговъ:
„сшвори праздникъ великъ, варя 40 про-
„виръ меду и съзываше боляры своя и по-
„садники, сшарѣйшины по всѣмъ градомъ и
„люди многи, и раздая убогимъ 40 гривенъ.“
Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мстиславичъ сдѣлалъ
великолѣпное пиршество народу на Городищѣ,
по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(231) II Царствъ, VI, 19. Млинъ поже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Роспиславичъ и сынъ его Роспиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пиръ Князю Давиду Смоленскому, копорый угоспилъ тамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе сѣзды оканчивались пиршествами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннъ Васильевичъ, 1552 г., сдѣлалъ пиршество войску, народу, Духовенству и Сновникамъ. Пешрѣ І пражновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и поставленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „все царскѣй „трапезѣ пріемники бывающѣ, пиру же зѣло „честну и велику сошеоряему новымъ Царемъ—и все люди весели бывающѣ, и мнози „и честніи дарове отъ Царя износятся (233)“. Извѣстно, что и донынѣ въ день коронованія своего Государи Россійскіе дають на-

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.

(233) Карамз. И. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными пошѣхами, или какъ говоришся, *пирѣ на весь міръ*—*пирѣ горой*.

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, происпекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ источниковъ; чпожь касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, шо они еще удерживающъ оспашки древняго своего характера; пошому чшо бытъ поселянина донынѣ мало измѣнился въ сущесствѣ своемъ.

На погоспахъ и доселѣ въ праздники бывающъ сборы или шорги, на кои спекающся госпи изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостъ* значить округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, поже чшо прежде извѣстно было подъ именемъ *вервь*, упоминаемъ въ Руской Правдѣ (234), такъ же бѣлую землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почти всегда бываетъ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погоспы, такъ какъ Сербія на жупанства. *Погостъ* сроденъ въ Греческомъ *πάρος* холмъ, деревня, и съ Латинскимъ ра-

(234) Руская Правда, изд. А. Шлецера. Спб. 1767. въ 8. — Въ Славеноросскомъ Лексиконѣ Памвы Беринды гробъ и гробище толкуется *жупище*. Чшо у Сербовъ было *жуна* (Зура, Журра), по замѣчанію Князя М. А. Оболенскаго, шо у Рускихъ погостъ, какъ средоточіе селенія или волости.

gus (235), отъ коего произошло и paganus (*ἰδιώτης, κομῆτις*) поганый не только по производству, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Хрістіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались pagani (236); попому что они укрывались въ лесахъ, селахъ (*in pagis*) и тамъ на привольѣ совершали запрещенные законами обряды Язычества. Отъ етого paganus значить также сокровенный, тайный (237). Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово *παυαῖ* употреблялось для означенія некрещеныхъ деревенскихъ обывателей. Вѣроятно, оно въ етомъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ находится въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παυαῖ appellantur.*

(236) *Augustin. Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, paganos vocamus.*

(237) *Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обзоръне Коричей книги въ историческомъ видѣ, соч. Б. Розенкампа. М. 1829. 8.*

(238) *de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.*

ное прозвище невѣрнаго челоуѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Еспляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значить нечистый, скверный. Въ Кормчѣй, Номоканонѣ, Синоглавѣ, Требникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Священителей именующагося *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно отправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались *Paganica*; а *Paganalia* праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранителя окружающаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именуется *Paganica* (239). По етому, не безъ основанія, проспонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими*, какъ удѣломъ черни, необразованныхъ просполюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца улаждается весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора*, у него соединена съ особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнишвомъ и послѣ жнишва бывають крестные ходы съ св. образами. Начатки жнишъ и первые сошны, такъ равно и первые

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ , по окончаніи жнипва, весь народъ собирается въ поле дожинашь послѣдніе загоны, и когда уже свяжущъ послѣдній снопокъ : то нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несущъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ ихъ пивомъ и виномъ , поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ , напр. Костромской, когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день *Оскы Заревницы*, 24 Сентября): тогда овинъ нарекаютъ именинникомъ и варятъ для него кашу молошницикамъ , копорые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ , приговариваютъ : *Хозяину хлѣба ворошокъ , а молотильщикамъ каши горшокъ*. — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи , въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью* : малосемейные зажиточные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда , для угощенія помощниковъ , спавятъ на дворъ кадки съ пивомъ и сполы съ хлѣбомъ и солью, калачами , пирогами. На *сиротскую* и *вдовью Помочь* не требуется никакого иждивенія; но сиротъ и вдовъ снабжаютъ всѣмъ шѣмъ, что нужно для такого пиршества : имъ безмездно помогаютъ не только сжать хлѣбъ , но

и запасши на цѣлый годъ дровъ и лучины (240). Въ Яранскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинаютъ удобреніе полей съ Петрова дни *Помочами*; ето называется шамъ: *назымы грать*, п. е. играшь (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣстны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхевъ въ Лифляндской Исторіи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ крапкаго лѣта, во время жатвы шѣ, копорые имѣють обширную ниву, обыкновенно сзываютъ довольное число сосѣдей для того, чптобы съ ихъ помощью скорѣе окончить жатву; ешимъ помощникамъ ввечеру они дѣлають угощеніе, копорое шамъ называется *Талкомъ* „(Talckus). Слово сіе происходитъ отъ древняго Еспскаго, или Прускаго Talck, значащаго работу не за какую либо плату, но за кушанье и пишье, и хопя приглашенные на шолоку занимаются цѣлый день шягоспными трудами; однако слѣдующую за

(240) И. Лепехина Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналъ Министерства внутр. дѣлъ, 1836, № 4. стр. 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣніи, пляскахъ и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ памѣ, гдѣ процвѣпаешъ земледѣліе, естъ *пастушескіе*, какъ мы замѣтили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октябрю, бываетъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верспъ по Иртышу ѣздящъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собиравіе винограда, такъ въ Россіи рубленіе и съченіе *капусты*, или *капустницы*, сославляютъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ собираются дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ хозяева (243).

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами постоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и торжественныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на стр. 51, еще *чрезвычайные или заповѣдные, обѣт-*

(242) *Liefländische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs u. Friedens Geschichte Esth-Lief u. Lettlandes.* Rudolffst. 1695. 4.

(243) Письма Рускаго Офицера, *О. Глинки*. М. 1821. ч. 5,

ные : они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю , во время мора или другой напасти. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье* , или *Коровья смерть* во время скопскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами , которыя собираются у околицы, извѣстивъ напередъ, чтобы никто изъ мужчинъ не выходилъ на улицу. Шествіе обыкновенно начинается дѣвкою съ образомъ св. Власія ; за нею слѣдуетъ женщина верхомъ на помелѣ , съ распущенными волосами , въ одной рубахѣ : она сопровождается толпою бабъ и дѣвокъ съ ухващами и кочергами , косами и серпами , коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами, въ срединѣ ея нагая спаруха въ хомутѣ , запряженная въ соху, коею прижды опахиваютъ всю деревню и тѣмъ самымъ, по ихъ вѣрованію, пересѣкаютъ путь коровьей смерти (244). Между простолюдинами встрѣчались примѣры самопожертвованія, или обреченія на вольную смерть, въ случаѣ моровой язвы: по суевѣрному мнѣнію, для прекращенія мора , избранную міромъ по жребію женщину, или даже мужчину, зарывали живыхъ въ землю съ пѣпухомъ и кошкою.

(244) Путешествіе отъ Триеста до С. Петербурга, изд. В. Броневскаго. Москва , 1828, 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ временныхъ, *обѣтныя Пятницы*, въ кои крестьяне зарекаясь работашь, обѣщаются праздновать: ешо бываетъ по случаю безведрія, неурожая, падежа и другихъ напастей. Для ешого даже писались отъ міра такъ называемыя *заповѣдныя записи*; въ собраніи грамотъ И. Н. Царскаго есть двѣ записи *заповѣдныя XVI вѣка*, въ помѣ, чшобы по воскресеньямъ и „пяшницамъ ра- „бошы не работати, дѣла не дѣлати ника- „кого чернаго, ни угоды, ни бѣлки, ни лѣ- „совати, ни рыбы ловиши, ни ягодъ, ни „губней не носиши.“

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни человѣческой, *рожденіе, свадьба и смерть*, у всѣхъ почти народовъ ознаменованы особенными праздниками и обрядами. Торжественныя сіи дѣйствія у Рускихъ Славянъ происпекли изъ древняго ихъ быша и вѣрованія, обрашлись въ обычаи и отчасти привились къ Хрістіанскимъ обрядамъ, коими сопровождаются сіи при акша жизни семейной. По связи оныхъ съ простонародными праздниками мы ограничимся здѣсь только очерками ешихъ семейныхъ празднествъ, кои шребуюшъ подробнаго мѣстнаго описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вяпичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству лѣтописца, въ Язычествѣ игры, (ѣура, см. выше), на коихъ они себѣ брали (умыкаху) женъ; отсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій лѣтописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо „законъ и обычаи бранни въ нихъ (Славенахъ): „не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху „вечеръ, а ушре приношаху по ней, что уза- „конено. А Древляне попомъ начаша жиши „звѣрьскимъ образомъ скопѣски: убиваху друтъ „друга, ядуще все нечиспо, и бракъ въ нихъ „не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, „и Вяпичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: „начаша же по малѣ и шіи ясти, нечиспо „живоуще въ лѣсахъ, и срамословне и неспы- „деніе діаволу угажаючи възлюбиха, и прѣдъ „ощи, и снохами, и маперми, и мрази (брази?) „не възлюбиха, но игрища, межи сѣльи шу сѣ- „гахоуся рищюще на плясаніа, и отъ плясанія „познаваху, которая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Лѣтопись Несторову по Лаврент. сп., изд. Р. Тимковскимъ. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, изд. Княземъ М. А. Оболенскимъ. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похощеніе имашъ, и опъ очного воззрѣнія,
 „и опъ обнаженія мышца и опъ прѣстъ руч-
 „ныхъ показанія, и опъ прѣстней даралага-
 „нія на прѣспы чюжая, пажъ попомъ це-
 „лованія съ лобзаніемъ и плочи съ сердцемъ
 „ражедгшиися слагахоуся, иныхъ поймающе,
 „а другихъ поругавше, мепашу на насмѣ-
 „ніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г,
 „жены: зане слабъ соущи женскый обычай,
 „и начаша друга предъ другою червипи лице
 „и белимъ прыпи абы оуноши въжелель ея
 „на похощъ.“ Извѣстно, что свадьбамъ
 предшесшвуютъ общія гаданія, какія бы-
 ваютъ о Сваскахъ, когда дѣвицами при-
 зывается суженой ряженой. Свадиба, по
 Чешски *Weseli*, веселье, состоишь изъ
 помолвки, рукобитья, или сговора, дѣвишни-
 ка и вѣнчанія; симъ обрядамъ предшесшву-
 ютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюденіе
 разныхъ примѣтъ. Въ Коспромской Г. свадеб-
 ные пиры: *пропой, гостинцы, сговоръ* на канунъ
 бракосочетанія, то что на Московщинѣ дѣвши-
 никъ; а споль въ первый день брака — *Кня-
 жій*. Въ старину употребительно было еще
 осыпаніе хмѣлемъ жениха и невесты предъ
 вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше
 упомянули мы о кунинномъ, или вѣнечной ку-

ницъ , стр. 116 , что доселѣ сохраняется у
 простолюдиновъ , или упоминается въ сва-
 дебныхъ пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи. Въ
 Костромской Г., болѣе въ крестьянскомъ быту,
 невѣста сирота, за день до вѣнчанія, ходитъ
 ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться*
 съ родителями на кладбище ; тамъ помолясь
 на могилахъ , она приговариваетъ : родимые
батюшка и матушка , не надо ни злата , ни
серебра , прошу родительскаго благословенія!
 Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую, т. е.
 заплетаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы
 и надѣваютъ *повойникъ* или *кокошникъ* :
 этотъ обрядъ сопровождается *окрутильнымъ*
обѣдомъ. Символическими явленіями на свадьбѣ
 бываетъ *коровай*, *перенеча*, *сыръ* и *лиш-*
ница. Въ Вельской округѣ и по Вагъ тещи
 приносятъ въ Пешровъ день на второй годъ
 брака *сыръ* въ *почестъ зятѣмъ* , которые по
 сему случаю дѣлаютъ *пиршество* (247). Вѣн-
 чальныя свѣчи служатъ предметами загады-

Moscoviae ortus et progressus. auth. D. Printz a
Visscham. Gubernae. 1679. 12. Описаніе въ лицахъ
шоржества, происходившаго въ 1626 г. Февр. 5
при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Тео-
доровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукъ-
явною. М. 1810. 4.

(247) *Карамз. И. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.*

ванія о долготѣпшіи молодыхъ и зажигающъ во время прудныхъ родовъ для облегченія родильницъ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „опчаспи Славянскіе, „опчаспи Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко опгадапъ: нѣкоторые изъ нихъ обра- „зовали любовь , согласіе , чадородіе , богат- „ство; другіе должны были удаляпъ дѣйствіе „злаго вещешва.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчающся различныя свадебныя обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравшвенное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, опъ коего опказалась Рогнѣда Полопская, невѣста В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой нѣчи или поржешвенное свидѣпелствование невинности дѣвической, какое бывало у воспочныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Пешромъ I, и п. д.

Подобныя обряды, опшавшіеся пеперь у сельскихъ жителей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.

(249) *Jahrb. Archaeologia biblica. Viennae*, 1814. въ 8.

скихъ и боярскихъ свадьбахъ, какъ видно изъ описанія оныхъ (250).

Родины празднуются пиршествомъ, на коемъ главное блюдо занимаетъ каша. Чпюжь касается до обычая класть на зубокъ, то вѣроятно оный есть подражаніе принесенію даровъ волхвами рожденному І. Хрісту. Кроме суевѣрныхъ обрядовъ, примѣтъ и предзнаменованій, предшествовающихъ и послѣдующихъ родинамъ, извѣстны розмываніе рукъ роженицы съ бабкою на девятый день, и опоясываніе младенца черезъ шесть недѣль послѣ рожденія. Въ Славянскихъ земляхъ издревле существовали обрядъ, вѣроятно языческій, перваго обрѣзанія волосъ, или *Постриги* и *Посажденіе на коня* младенцевъ мужескаго пола отъ 4 до 7 лѣтъ: чпѣ донынѣ наблюдается у козаковъ (251): у нихъ опецъ и мать, посадивъ на коня младенца, у копораго прорѣзывались зубы, возили его въ церковь, гдѣ служили молебень Св. Іоанну воину о томъ, чпюбы сынъ ихъ былъ храбрымъ козакомъ. Древнѣйшій Польскій Историкъ Маршинъ Галъ

(250) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россіи, Г. Успенскаго. Харьковъ, 1818, 2 ч. въ 8.

(251) Руская старина, изд. А. Корниловичемъ. Спб. 1825, въ 16. — Сюда вѣроятно относится пословица: *Невѣста водится, а женихъ на конь садится.*

свидѣтельствуютъ , что два странника , угощенные Пясомъ , *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовита. Каллубко говоритъ , что епопъ рыцарскій обрядъ всупленія дѣтей въ бытіе гражданское раждалъ между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сестрой постригающаго. Послѣ Постригъ , говоритъ Татищевъ , свидѣтель оныхъ , дѣти переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (252). Изъ лѣтописей опечесивенныхъ видно, что торжественные *Постриги* Великихъ Князей совершались въ церкви, какъ сдѣлалъ В. К. Всеволодъ III въ Суздаль съ сыномъ своимъ Юріемъ; Князь Михаилъ въ Новгородѣ у Софіи съ сыномъ Ростиславомъ и Князь Константинъ Всеволодовичъ съ дѣтьми своими Влаіемъ и Всеволодомъ. Епопъ обрядъ съ XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами.

День плотскаго рожденія у Рускихъ не столько празднуемъ былъ , сколько день духовнаго , или именины ; однако лѣтописи свидѣтельствуютъ , что Царь Иванъ Васильевичъ праздновалъ въ Коломенскомъ селѣ день своего рожденія пиршествомъ : „праздникъ

(252) *Татищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„творяше рожденію своему ; шамо бо во вся
„лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древ-
ній обычай давати особенныя имена и про-
званія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи :
опъ етого вспрѣчаются въ Исторіи лица ,
имѣющія по два имени, какъ бывало у Евре-
евъ (254). Знапные люди писывались въ са-
мыхъ государспвенныхъ бумагахъ *Дружинами*,
Истомами, *Неудачами*, *Невѣжками*, *Тишинами*
и ш. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣ-
шилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени,
одно, полученное при рожденіи, а другое
при крещеніи ; послѣднее они шали изъ
опасенія , чтобы ихъ не испортили колдов-
ствомъ или чародѣйствомъ (255). Въ доказа-
тельство приведемъ здѣсь слѣдующіе при-
мѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л.
сказано : „родися у В. Князя Всеволода сынъ
„Теодоръ, а прозванъ бысъ Ярославъ 6698 г.“
Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г. : „родися
77 „Князю Константину Всеволодичю сынъ
„Иванъ, глаголемый Всеволодъ.“ Царь Иванъ

(253) *Карамз.* И. Г. Р. ш. VIII, прим. 409.

(254) *Jahrb Archæologia biblica.* Viennae. 1814: въ 4.

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и
Древн. Росс. ч. III.

Васильевичъ названъ былъ также Вареолюмеемъ.

Одинъ изъ торжественныхъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины*, или *Тезоименитство* (*ἐπωνυμία*): последнее происходитъ отъ Чешскаго слова *tés* или *téz*, тотъ же, соотвѣствующаго Рускому: *тѣзка*. Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ ешого и пословица: *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежностью имениннаго пира есть пирогъ, копорый, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предназначение благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачъ* значить: *итти на именинный пиръ*, копорый у нихъ также празднуется три дня: первый называется *краснымъ*, другой — *поутріемъ*, третій — *установцемъ*. Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ стибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ въ день своего тезоименинства носилъ именинный пирогъ къ Патриарху; послѣ поднесенія пирога Свя-

(256) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

пителю, онъ жаловалъ пирогами Патріаршихъ бояръ и дьякоу (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ прешины, девяшины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдаются въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, старинные обычаи и примѣпы, кои суевѣріе и право давности приобщило къ Хрістіанскимъ обрядамъ.

Кашаніе яицъ и возліанія на могилахъ, въ Родительскія, скаканіе и пѣсни скомо-рошескія послѣ плача на кладбищахъ, наконецъ попойки представляють сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присущіе поминающимъ при поминкахъ *скоморохи*, коихъ шолпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ отъ *Скамаровъ*, народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радунца*, или *Навій вторникъ*, и Троицкая суббота соединились въ Древности съ окличками мертвыхъ. Установленная православною Церковью для поминовенія усопшихъ *семь вселенскихъ пани-*

(257) Древняя Росс. Видювика, ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66.
 . Отъ Скамаровъ происходятъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. *скомрахъ* и Руское *скоморохъ* (*latro, nebulo*).

хидъ , а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрѣ , безъ сомнѣнія , имѣли цѣлю и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскѣ и вообще въ Смоленской Г. у простолюдиновъ въ родительскія собираются родспвенники на свои кладбища плакашъ и пировашъ; а ввечеру сходяшся туда молодцы и дѣвки свыкашся, оправдывая дѣломъ Рускую пословицу : *Начинають за упокой , а кончатъ за радость.*

Къ домашнимъ праздникамъ причисляется также *Новоселье* , сопровождаемое особенными обрядами и примѣнами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль* , какъ знаменіе спорыньи , довольства и хлѣбосолепства — Русской патріархальной добродѣтели. *Вздитъ на пиры , братчины и свадьбы* было въ Русской древности какою-то повинностью , отъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамотами (259) ; въ нихъ запрещается „наѣстничимъ людямъ и воло- „спельнымъ и помѣщиковымъ незваннымъ вз- „дипъ на свадьбы , пиры и брашчины.“

§ 9. Самородная поезія естъ главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающаяся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій происходятъ праздники и обряды съ обрядовыми и мѣстическими пѣснями, приговорами и причипавіями. Сія гласные, самородные памятки Словесности, не смотря на всѣ измѣненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ народнымъ безсмертіемъ, соспавляютъ завѣтную стихію опечесивенности. Во всѣхъ населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ языкахъ гласъ радости и печали превращался въ пѣснопѣіе. И дикія племена и образованные народы пѣснями выражаютъ свои моленія и проклятія; ибо пѣнь — для сердца человѣческаго значитъ жить. У древнихъ изкони пѣны были законы, бытія племенъ, похвалы богамъ и богахырямъ (260). Пѣнь предшествовала письму. Всякое наспавленіе въ религіи и мудрости, воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

(260) Отъ сего *nomos* значитъ пѣнь и законъ, также carmen принимается въ смыслѣ пѣсни, молитвы и словъ закона. Encyclopédie des gens du monde, t. V. à Paris. 1855. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ успъ въ успа и пѣвались съ игрою на мусикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія спаринныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсень у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наславительными для народа (261). Въ оспашкахъ древнихъ пѣсень увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія эпохи Рускаго народа; что умалчиваетъ лѣтопись, что иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня была*, сходная съ Нѣмецкою: *Die Sage lebt im Gesang* — свидѣтельствуетъ, что въ пѣсняхъ сохранялись былинны древнихъ лѣтъ.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоишь въ пѣсняхъ, коими онѣ опличаются предъ всѣми другими народами сѣва: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе странники брали съ собою въ путь

(261) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. à S. Pet. 1795. въ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсень. Ч. I — 4. Москва, 1780, въ 12.*

(262) *Stritteri Memoriae populorum. t. II.*

гусли (кибары), а не оружіе. Неизвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаетъ о вѣщемъ Боянѣ, соловьѣ, пѣснотворцѣ стараго времени, а Волынская лѣтопись о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ. Когда Кн. Даніилъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Хрістіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, пѣнь славу пояху има. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владиміромъ Рюриковичемъ порожествовали древними пѣснями. Въ сихъ записныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключающагося бытія, мнѣя, мысли, чувства, надежды народа, — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Хрістіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поэзіи, внутренняя сила поэтическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ отклики древняго времени, повтораемые въ настоящемъ (263). Народная пѣнь находится во внутренней связи съ чувственной жизнью сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣсноупій: въ чемъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсней, мнѣическихъ думъ и сказаній

(263) Карамзина II. Г. Р. тт. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало ; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства , которое оспавило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсень носятъ на себѣ миѣическій цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причипанія и приговоры пѣсенные. Въ оспавкахъ немногихъ миѣическихъ пѣсень и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣты, на пр: *Ладо, Дидиладо, Купало, Туръ, Ярило, Таусень, или Авсень — Дунай, Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ хрістіанскими понятіями, на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойми,
Вѣнокъ сплести,
Ой дидъ Ладо (265)! —

(264) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, ч. II, М. 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва, 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣщсплуютъ въ Россіи *солнце* на Петровъ день, подобно какъ въ Липовскомъ Секминѣ. См. стр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дождикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсви, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плешней вокругъ Майскихъ деревьевъ, относяся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По отношенію пѣсенъ къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣливъ можно на *святочные* (подблюдныя), *колядскія*, *весеннія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладозыя*, по названію Карпатъ - Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсенъ мифологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплети се плетень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляютъ мѣстныя опмѣны по своему содержанию и выраженію, достойныя изслѣдованія

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытыя основанія Словесности, соч. А. Глаголева. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ утрапили въ одномъ мѣспѣ, то сохраняющъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Рускія заклинательныя пѣсни, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Липвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть оспатки древней восточной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ временъ. У Финновъ чародѣйныя пѣсни (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ стихотвореній; на Англо-саксонскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Липовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ пѣсни русалокъ, вѣдьмъ и солнцевыхъ дѣвъ.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяковскій, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, богослужители были первенствующими стихотворцами. Стихами не только прославляли, они божество; но и достоинство свое опмѣняли симъ родомъ рѣчи отъ общаго и про-

(268) Соревнователь просвѣщенія и благошворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре-
„цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму-
„щество имѣли, и были главные и лучшіе,
„въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ.
„И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновен-
„нымъ въ составленіи стиха, долженъ спросту
„быть самое древнее стихотвореніе наше.
„Неподозрительными и живыми свидѣтелями
„простонародныя пѣсни наши сіе точно свой-
„ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На-
„родный составъ стиховъ есть подлинный
„списокъ съ богослужительскаго. Воззримъ те-
„перь на начало нашего Хрістіанства: ви-
„димъ мысленно сущую нужду его, покуда по
„изпробованъ у насъ, что непосредственно
„касалось до богослуженія ложнаго: на народ-
„ныя, гражданскія и дружескія употребленія
„не съ толикимъ съ начала ревнованіемъ оно
„взираю. — И такъ, многодѣльное тогда
„первое наше Хрістіанство, хоти искоренило
„всѣ многобожныя служенія и пѣсенныя про-
„славленія богамъ и богинямъ; однако, съ
„пренебреженія, или за упражненіями,
„не коснулось къ простонароднымъ обыкно-
„веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве-
„селительныхъ пѣсень, а съ ними способъ
„сложенія стиховъ. Сіе точно и есть перво-
„родное и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ простонарод-
 „ныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣ-
 „сняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Хри-
 „стіанство, истребившее всѣ идольскія бо-
 „гослуженія и уничтожившее вконецъ сле-
 „пennыя пѣсни спихами въ похвалу идоламъ,
 „лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочпи-
 „пельнаго спихопворенія. Пребывало двою-
 „родное родство его шокмо, чтобъ, такъ
 „сказать, какъ въ залогъ у самаго онаго про-
 „спаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и пре-
 „ходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ преспа-
 „рвнїа“ (270).

Изъ Исторіи Саксоніи и Польши из-
 вѣстно, съ какимъ стараніемъ истреблялись
 тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣня-
 емы были хрістіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности
 къ Православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію,
 называютъ старинныя пѣсни, какія пѣва-
 лись о праздникахъ простонародныхъ, *сатанин-*
скими, бѣсовскими, отъ бѣса замышленнымъ
дѣломъ. Объ нихъ упоминають Номокановы и

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, въ Спб. 1755,
 Апрель.

(271) *Miscellanea Cracoviensia*, an. 1806. fasc. II.

Споглавъ. Препод. Памфилъ , при описаніи Купальскаго праздника , въ посланіи своемъ къ Намѣспнику Псковскому , говоритъ , что тогда „егда не весь градъ возмяшеся и въ „сельхъ возбѣяшся въ бубны и сопѣли и гу- „деніемъ спруннымъ, и всякими неподобными „играми сапанинскими , плесканіемъ и пля- „саніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами кива- „ніемъ, и усшнами ихъ непріязненъ кличь, всѣ- „скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и поптаніе“ (272).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ , нашихъ епипа- ламахъ, споль обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще непростывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая картина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ перѣдко проникнуты бываютъ глубокими и умиль- ными чувствованіями. Едва ли есть народъ, кромѣ Рускихъ, особливо Малороссіанъ , у коего можно бы было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсень. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами настоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла споль естественное происхожденіе.

Похороны и поминки сопровождаются причитаніями или голошеніемъ; въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы осиротѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими *ἱαλμοί*, съ Римскими *laudes funebres*, паеніас и Липовскими заупокойными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Латыши Балтійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, попоръ и нѣсколько денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Сступай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не тобою Нѣмцы, но ты Нѣмцами будешь повелѣвать! Возьми тебѣ на дорогу запасъ, оружіе и деньги.“ — Сарницкій говоришь: „на Руси пѣвались елегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Спрусовъ, „павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами.“ „Соглашая заунывный голосъ и шлодвиженія со словами, они иногда сопровождаютъ пѣніе „оныхъ печальными звуками свирѣли (274).“ Въ нашихъ лѣтописяхъ, умильных повѣ-

(273) *Diefländische Historia*. Rudolfstadt. 1695. 4.

(274) *Annales regni Polonici*. II.

сняхъ , сказаніяхъ и въ иностранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились остатки такихъ причитаній , кои и доселѣ употребляются между простолюдными и спаровѣрами. *Пѣсни дьявольскія* (*carmina diabolica*), какія простой народъ имѣлъ обыкновеніе пѣсть ночью надъ усопшими, запрещаются пастырскимъ посланіемъ къ пресвитерамъ Епископа Веронскаго Раперія (275).

Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсень почти всѣ заунывные и часто скорбешественные: они опзываются не звуками рабства Татарскаго, какъ думаютъ иностранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ пономъ, поскли-воспѣію о прошедшемъ и будущемъ , какъ таинственныя опголоски умиленной души. Если всѣ онѣ будутъ собраны и изданы опчешливо : тогда только съ достовѣрностію можно вывести изъ нихъ заключенія о духѣ самородной поэзіи Руской.

Что касается до *изръ*, говоритъ О. Милеръ (276) , то „надобно допустить такое время въ древней Исторіи народовъ , когда

(275) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. II. Halae; 1775. 8. v. vox carmen.*

(276) *Die Strußer von O. Müller. Breslau, 1828. 8.*

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, шакъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жертвенною трапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и постепенное опдѣленіе. Также въ епо раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все составляешь съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда спали опдѣляться или входить въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу оппадали отъ своего цѣлага. “Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности *ludi* составляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Рускаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что *Γυρά* (*ὄρχησις*), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками отъ Персовъ (277). Степенная книга, Спириковскій и Герберштейнъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, I. VIII.

въ Волховъ , кинулъ Новгородцамъ на мостѣ палицу съ слѣдующими словами : *Храните ее; граждане, въ память мою !* (278). О подобной игрѣ говорится въ правилахъ Кирилла Митрополита Рускаго , какъ о *бѣсовскомъ позорѣ треклятыхъ Еллихъ* ; и въ договоръ Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в., гдѣ сказано, что „*ненсовая забава , въ коей „люди бьются дрекольемъ, не должна быть „терпима на улицѣ между дворами Нѣмец- „кими , чпобы Россіане и госпн не имѣли „повода къ ссорамъ.*“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами , по мнѣнію М. Я. Діева, похоже на Самоѣдскій Пендеръ, описанный Бруиномъ въ путешествіи. — Чпожъ касается до *игрушекъ*, или *игръ*: по онѣ были родъ богатырскихъ попѣхъ, или шурнировъ, о какихъ говорится въ лѣтописяхъ. Волынская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что когда Князь Ростиславъ въ XIII вѣкѣ споялъ у Ярослава, *сотвори игру предъ градомъ*. Кіевская лѣтопись говоритъ, что „*Угри на фаръхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ* (279).“

(278) *М. Ергенія* разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, т. II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на „коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Велико- „княжескаго пѣспуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ попѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Сприковскій и сочинитель *Синописа* называютъ *дьявольскою стѣтію* (281). Изъ *лѣтописей*, *Номоканона* и *Пролога* видно, что въ свѣтки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ *Латинскаго* *scutga* шутъ. Въ *харащейной Кормчей XIII в.* маскированье свѣточное называется: „*обличья и҃грыць и ликъ-свѣвеникъ*.“ Въ *Патерикѣ Печерскомъ* упоминается о *лудѣ на бѣсъ въ образъ Ляха* (282): отсюда и *Москолюдство*, состоящее, по мнѣнію Р. Тимковского, изъ словъ *маска* и *лудѣ*. Въ *харащейномъ Прологѣ 1432*, въ *лисиѣ*, хранящемся въ *Императорской Публ. Библіотекѣ*, говорится въ *житіи Преп. Нифонта*, что „въ церковные празд-

(280) *Карамз. II. Г. Р. т. V, прим. 251.*

(281) *И. Раича Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. въ 4.*

(282) см. *Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort fuda? eine antiquarische Abhandlung von A. J. Sjögren. S. Petersb. 1834. 4.*

„ники ови бяху в бубны, друзи же въ ко-
 „зицѣ и в сопѣли сопаху, инниже възложив-
 „ше на лица скурапы, идяху на глумленье
 „человѣкомъ, и мнози оставивше церковь на
 „позоръ печажу, и нарекоша игры шѣ Ру-
 „салья.“ Русальныя сіи хороводы въ харапей-
 номъ спискѣ Неспора названы *Русальце*, по
 изъясненію Карамзина, игрище (283). Кромѣ
 кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*,
 или *Слѣпа баба*, извѣстныя въ Кіевской Г.
 подъ названіемъ *Желѣзной бабы*, *Горѣлки*, *Гу-
 лочки* и проч. Описаніе игръ Рускаго народа
 сослужитъ особенный оудѣлъ, заниматель-
 ный по своему содержанію и немаловажный
 въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія
 Гг. Голембовскаго, Нарбуша, Гюпри и И. П.
 Сахарова могутъ быть руководствами въ епомъ
 предметѣ народности.

При обзорѣни Рускихъ проспонародныхъ
 праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами
 открывається, что большая часть оныхъ от-
 носится къ Славяно-Руской Мифологіи, копо-
 ра образовалась въ ту эпоху человѣческой
 мысли, когда неопредѣленность оной равняет-

ся ея смѣлости и когда собственная Исторія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Опечесвленные божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣстности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и мѣстамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: то и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, различныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духъ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ: то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и происшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и пропекая сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣстности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ семена растѣній часто заносятся вѣтромъ на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и шамъ перерождаюсь, принимаютъ особенные виды и цвѣты.

Исслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія человѣчества и народности, коимъ столь же сродно вѣрованіе и богопочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни человѣчества и отличительныя черты народности въ зачатныхъ ея стихіяхъ: однѣ объясняются другими.

Различіе же въ простонародныхъ Рускихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія стихій народности, какія входили въ оныя, въ предъисторическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Русскія преобладающія стихіи мионическаго міра *Восточная, Греческая и Скандинавская* проявляются въ прехъ главныхъ средоточіяхъ, или узлахъ Россіи: Кіевъ, Новгородъ и Московщинѣ, гдѣ расселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя стихіи народности нерѣдко у Рускихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: то отъ сліяніи оныхъ вѣроивно происпекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у спарожилвъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Востока ; слѣды оныхъ оспались въ пѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жили Финны, Меря, Муромы и прочіе народцы, и численные у лѣтописцевъ нашихъ. Самыя сказки наши намекаютъ о появленіи Руси въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ Рускаго духа слыхомъ не слыхано, и видомъ не видано. Хотя, при поспешенномъ переходѣ Русскихъ Славянъ отъ отечественнаго Язычества къ Хрістіанству, живыя нѣкогда вѣрованія и суевѣрные обряды время отъ времени истреблялись , или замѣняемы были другими вновь введенными обычаями ; однако они , какъ завѣщанія спихіи древней народности , обращались въ игру жизни , и подъ видомъ привычныхъ и срочныхъ потѣхъ и увеселеній , сквозь ряды вѣковъ и перевороповъ, достигли нашихъ Временъ, допускались , скажемъ словами Пепра Великаго, для народнаго полированія. Простолюдины, живущіе болѣе по отеческимъ преданіямъ и не перемѣняющіе своего древняго быта, не хотѣли и не могли распаться съ оными и замѣнили старые обычаи другими новыми , имъ чуждыми. Они шѣмъ болѣе спарались удержашъ древнія отечественныя празднества, что онѣ соединены были съ различными играми и увеселеніями , что онѣ составляли спихію его жизни общественной и семейной.

Доказательства же о происхождении народных Русских праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Русскаго Язычества находятся :

1) Въ свѣдѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, которые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими* *требам* и ш. д.

2) Въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко упоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце, сѣтедь мѣсяць, мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаяхъ дѣлашь чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ-то : при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки; въ представленіи избранными опъ міра лицами *Ярилы* (284), *Тура* (285), *Костромы*, *Масляницы*,

(284) На празднествѣ Ярилы въ Костромѣ, по свѣдѣтельству старожиловъ, въ Всесвяпское заговѣнье одинъ мужикъ нашивалъ изображеніе мушны, украшеннаго лентами съ большимъ дѣтороднымъ удомъ, въ ящикѣ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плачевными причѣтами зарывали въ землю. Это похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Общество. *Туръ* вѣроятно тожь же *Ярило*.

Пятницы и *ш. д.* Сюда же отнести должно особенное въ народѣ благоговѣніе (воспочнаго происхожденія) къ вѣкопорымъ огромнымъ камнямъ, къ старымъ дуплистымъ деревьямъ и *ш. д.* Въ томъ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Мифологія представляетъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, такъ равно дуализмъ въ Бѣлбогъ и Чернобогъ, въ Купаль и Купальницъ, Дидъ и Ладъ, Царь-огнь и Царицъ-водицъ и *ш. д.*

4) Въ благоговѣніи къ первенствующимъ, царственнымъ стихіямъ, огню и водѣ, олицетворяемымъ по *Перуномъ*, по *Зишемъ*, по *Купалю*, по *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои боготворимы были собственно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Чѣмъ касается до перескакиванія черезъ огонь и омовенія или обливанія, то оны не столько произошли изъ обоготворенія рѣкъ и огня, сколько изъ идеи очищенія, какую находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельству Платона-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Татаръ при Батыхъ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣтахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйствахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

нены *Святки* и *Семикъ*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. И. Сахарова. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что нѣкоторыя кощунства и примѣты возникли во время борьбы Хрістіанства съ Язычесвомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игрищъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычесствѣ: берега рѣкъ и озеръ, проводниковъ народонаселенія на Сѣверъ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ и дослуженія — горы и курганы, сіи колыбели и могилы (287) челоѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — дубравы, первые его пріюты и кущи языческихъ пребищъ. Когда же развилась общеспвенная и семейная жизнь въ селеніяхъ: тогда и праздники народа вышли на улицу, тогда само-

(286) Изъ ругательствъ воиновъ Ростиславовыхъ на Григорія Чудопворца видно, что встрѣча съ монахомъ почиталась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдсвія, см. *Патерикъ Печерскій*. Владиміръ Мономахъ въ духовной поже говоритъ. Въ *Потребникъ*, М. 1639, упоминается: о вѣрованіи въ чохъ и встрѣчу.

(287) Многія старинныя кладбища и жалъники на горахъ: въ Ярославль и въ Коспромской Г. *Туговы* горы отъ слова *туга* — *тужить*.

бытность и общежительность высказались въ пословицѣ: *На нашей улицѣ праздникъ.*

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились въ эпоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особливо относящіеся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Рускаго Хрістіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ; шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго испреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣщныя, опеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ эту эпоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ хрістіанскимъ, коль скоро не противорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Хрістіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ—природы, только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило опъ чувственнаго къ духовному, другое напроптивъ того низводило опъ духовнаго къ чувственному; одно спремилось къ единству, другое къ многообразію и многочастности,

какія проявились въ міѣахъ физическихъ и религіозныхъ; одно было чисто нравственнае, другое, обращаясь въ кругу жизни чувственнѣй, поклонялось и стихіямъ міра и спрашьямъ своимъ, представляло божественное въ сліяніи съ силами природы. Мысль о первообразномъ, священномъ въ символѣ имѣетъ своимъ источникомъ древнее народное вѣрованіе, которое одушевляя весь міръ, его силы и явленія, сближаетъ человека съ духовными, сверхъ-естественными силами, ему содѣйствующими или пропиводѣйствующими, кои обращаются въ предметы его благоговѣнія. Если бы въ символахъ не было историческаго, нравственнаго и священнаго знаменованія: то они не возбуждали бы одинакихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ понятій, не были бы повсемѣстными. Большая часть оныхъ просты и разрѣшаются на при составныя начѣла, соотвѣтствующія тремъ стихійнымъ цѣлѣамъ: землю, воду и огонь. По такой общности символовъ, грубое суевѣріе вѣрѣдко облекало въ свои пелены чистѣйшія Хрістіанскія понятія: опъ сего удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Хрістіанства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы* и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ, празднуемыхъ Церковію, заимствованныя опъ

годовыхъ временъ, ошъ сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей, превращались въ какія-то знаменія, имѣющія цвѣтъ мѣстеческій, напр: *Лѣтопроеодець* (св. Симеонъ), *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ), *Запрягальникъ* (св. Іеремія), *Заревница* (св. Ѳекла), *Колосяница* (св. Ѳеодосія), *Гречишница* (св. Акилина) и ш. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры, чтобы оплечь простой народъ ошъ языческихъ празднествъ, противопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ, напр: въ день Семика обычай погребать и поминать убогихъ собратій на убогихъ домахъ, или опечеспвенныхъ скудельницахъ и ш. д. Такъ въ Римскихъ облас тяхъ проповѣдники Евангелія при Константинѣ Великомъ иногда снисходили шъмъ языческимъ обычаямъ, съ коими не могли или не хотѣлъ разспаться народъ, закоснѣвшій въ опеческихъ повѣрьяхъ, если они не представляли явнаго нечестія и разврата (288). Тамъ, вмѣсто нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, успановлялись крестныя хожденія.

Папріархъ Вальсамонъ въ XII в. такъ описываетъ Греческіе обряды, совершенно

(288) Обзорѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829, въ 8.

сходные съ Рускими купальскими и святошными: „Язычники въ 23 день Іюня, „ввечеру, собирались на берегахъ рѣкъ, и въ „нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены укра- „шали перворожденную дѣву на подобіе ве- „веспы. Припомъ пировали и плясали, кру- „жились; совершая предпразднество въ честь „богини Веспы. Между пѣмъ бросали разные „вещи въ сосудъ; наполненный водою. Наря- „женная дѣвица, по вынупіи каждой вещи, „предсказывала будущее тому, кто клалъ „оную. На другой день, съ музыкою и пля- „ской всѣ выходили за водой и кропили оною „свои дома, а попомъ во всю ночь прыга- „ли чрезъ зажженные костры. Церковные „учители, поспешенно опклоняя новыхъ Хри- „стіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за „нужное при водоосвященіи сочинить для „онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Ма- „ріи“ (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣ- „дующее о позорищахъ въ Рождественскихъ свя- „ткахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху: „Въ церквахъ совершаются позорища и не толь- „ко вводящся для потѣхи чудовищныя личины,

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясне-
ніе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепископа*
Веніамина. Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкоторыхъ праздникахъ участвуютъ сами діаконы и пресвитеры. “ Таковы были въ Римской церкви *праздники ослий, дураковъ, пьяныхъ дяконовъ* и *ш. п.* Св. Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату Меллипу замѣчаетъ слѣдующее объ Англо-саксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ), сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Славянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ, „что у Англовъ опшюдь не должно испреблять капища, но только уничтожать находящіяся въ нихъ идолы и, по окропленіи „св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари. „Такимъ средствомъ надобно обращать народъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію „истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда „онъ издавна привыкъ спекапсья. А какъ при „жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно „убивали многихъ быковъ; то и сіе пиршество должно также измѣниться: пусть въ „праздники церковные дѣлающіяся шалаши изъ „древесныхъ вѣтвей вокругъ св. храмовъ, превращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ „дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, снѣдая „мясо живопныхъ во славу Божию и за насыщение принося благодареніе Подателю благъ.“

Такія пиршества въ храмовые праздники имѣли связь съ шоргами или ярмарками,

такъ что промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ *ауора* значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслъ торговаго, а *пант-уриг* торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ : въ Корелии при храмѣ Золотой Бабы, на Рутенѣ при капищѣ Святовиды, въ Ростовѣ сборъ вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянскаго Волоса, такъ какъ въ Переяславль-Залѣскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно собираются торги и ярмарки и извѣстныя десяти *торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, что на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды епото оспались въ мірской ссодкѣ.

Нигдѣ столько не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полноцѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характеристику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностию. Рускіе народныя

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 3. ст. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, отличаясь своею веселостію и игривостію, превышаютъ ихъ своею разгульностію, какой предаются простолюдинъ во дни своего покоя и свободы отъ трудовъ. Онъ ждетъ праздника какъ дня жизненной оспрады, и являясь на ономъ въ праздничномъ кафтанѣ, веселился съ упоеніемъ, оправдывая свою опечесшвенную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*. Въ его понятіи праздникъ есть льгота и веселье, въ конхъ онъ почерпаетъ новыя силы къ пятоспнымъ трудамъ и къ борьбѣ съ суровою своею природою. Такъ праздники народа, поезія его жизни, имѣютъ тѣсную связь съ его семейнымъ бытомъ и нравспвенностію, съ его прошедшимъ и настоящимъ.

Исторія всякаго извѣснаго народа обыкновенно начинается темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнительными. Осторожная критика не отвергаетъ однако епихъ древнихъ сказаній изъ предъисторическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что перѣдко невозможное дѣлается вѣроятнымъ, а вѣроятное несомнительнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и оспашки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія физіогномію древней народности. Предметы сіи всегда подспрекаютъ ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ опдаленные памятники Миеологіи и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяютъ кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поэзія, которая обогащается изъ епического источника. По такому отношенію Руской Еортологіи къ Археологіи, Исторіи и Филологіи опечесивенной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣсныхъ спихій жизни народной, развившихся въ разныя ея эпохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московщина* употреблено мною пошому, что я въ такомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамотахъ, а *Новгородѣ* въ Супрасльской рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ стр. 67. Въ справахъ *Латинскихъ* означаешъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскерадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Bál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаешъ также *strues lignotum*, *rogus*, *pyra*.

Къ стр. 73. *Sankt* Н. А. Св. Іоанна вечеръ.

На 78 стран. стр. 13 : вм. *der* читай *den*.

Къ стран. 85. стр. 14. *Sialudagr*, по Исланд. : *Sáladagr*, а по Датски *Sjæledag*.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался *Vruga-old* вѣкъ сожженія и *Naug-old* вѣкъ погребенія. Потомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Гольштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ стран. 61. 'Аг по Исланд. *annus*, *annona*.

Къ стран. 87. Така есть старинное Исландское слово. Которъ Анкеръ въ объясненіи Ютландскаго права говоритъ : *tak cautio fideiussoria*, порука, поручитель.

Къ стран. 91. *Мага* по Исландски *incubus*, *erphialtes*, *Robold*, *но́валос*. *Мага* по Малоросс. призракъ; по Польски то же; по Нижнесаксонск. *Mähr*; оттого *Mährchen*. Польск. пословица : *Sen maga, bóg*

246

віага, сонъ — мечта, а вѣришь должно Богу. Сюда же принадлежишь Marzana, кошпоруку Кромеръ сравни-
ваетъ съ Церерою.

На сѣран. 93, вѣ. подѣ именемъ Жмуди, чишай:
ѣ. подѣ симъ именемъ и Жмуди.

Къ сѣран. 93. У Капшоліковъ с. Спешану
празднується 26 Дек.

На сѣран. 173, на сѣр. 10 вѣ. Орловской чи-
шай: Вѣ Орловской.

На сѣр. 218, вѣ концѣ слова *сказаній* посша-
вишь почку.

